

Дорожные работы

Автор:

Стивен Кинг

Дорожные работы

Стивен Кинг

Король на все времена

В обычном маленьком городке живет обычный человек, медленно, но верно погружающийся в пучину черной ненависти к себе и окружающим. Нужен всего лишь повод, чтобы ненависть выплеснулась на волю потоком хлещущей крови. И когда повод находится, обычного человека, ставшего убийцей, уже не остановить...

Стивен Кинг

Дорожные работы

Памяти Шарлотты Литфилд посвящается

Пролог

Я и сам не знаю почему. Да и вы не знаете. Думаю, что и сам Господь не знает. Это все штучки-дрючки нашего правительства, вот и все дела.

Из личного интервью по поводу войны во Вьетнаме, приблиз. 1967 г.

Однако вьетнамская война завершилась, и – жизнь в стране продолжалась.

В тот жаркий августовский день 1972 года неподалеку от Уэстгейта, в самом конце автострады номер 784, был припаркован телевизионный «нюсмобил». Вокруг наспех сколоченного подиума, деревянный костяк которого, словно кожа, обтягивал атлас, собралась небольшая толпа. Позади него на поросшем травой склоне выстроились будки для взимания дорожного сбора. Впереди до самой окраины города протянулась открытая болотистая местность.

В ожидании приезда на церемонию начала строительства мэра и губернатора молодой журналист Дейв Альберт выборочно брал интервью у собравшихся.

Подойдя к старику в темных очках, он поднес к его лицу микрофон.

– Ну, – заговорил старик, с опаской глядя в зрачок камеры, – я считаю, что для нашего города это просто здорово. Мы давно этого ждали. Да, здорово... для нашего города. – Он сглотнул, понимая, что талдычит одно и то же, но никак не мог оторвать взгляд от камеры, словно замороженный ее немигающим циклопым оком. – Очень здорово, – неловко добавил он. – Для нашего города. Здорово, да...

– Спасибо, сэр. Большое спасибо.

– Как считаете, меня покажут по телевизору? – взволнованно спросил старик. – В сегодняшних «Новостях»?

Альберт сверкнул профессиональной, ничего не значащей улыбкой:

– Трудно сказать, сэр. Вполне возможно.

Его звукооператор указал на подъездную площадку, к которой только что подкатил губернаторский «крайслер-империал», переливающийся и сверкающий, словно хромированный бильярдный шар на солнце.

Альберт кивнул и показал помощнику один палец. Они подошли к мужчине в белой рубашке с закатанными рукавами, который хмуро взирал на подиум.

- А вы не поделитесь с нами своим мнением по поводу этого проекта, мистер...

- Доус. С удовольствием поделюсь. - Голос у него был негромкий и приятный.

- Мотор, - шепнул оператор.

Не повышая голоса и тем же приятным тоном мистер Доус промолвил:

- По-моему, это просто дерьмо собачье.

Оператор поморщился. Альберт кивнул и, метнув на говорившего укоризненный взгляд, резко скрестил два пальца на правой руке - знак помощнику, что это интервью придется вырезать.

Старик следил за этой сценой с непритворным ужасом. Тем временем губернатор уже выбрался из «империала» и величественно поднимался по травянистому склону. На нем был зеленый галстук с блестками, которые яркими искорками вспыхивали в солнечных лучах.

- А когда меня покажут - в шестичасовом выпуске или в одиннадцать? - вежливо осведомился мистер Доус.

- Ну вы даете, приятель, - хмыкнул Альберт и, отвернувшись от него, принялся рассекать толпу, направляясь к губернатору. Оператор последовал за ним. Мужчина в белой рубашке задумчиво посмотрел им вслед.

Семнадцать месяцев спустя Альберт и мужчина в белой рубашке встретились вновь, хотя ни один из них так и не вспомнил про первую встречу.

Часть первая

Ноябрь

Вчера поздно ночью дождь стучал мне в окно

Я пересек темную комнату

и при отблеске фонаря

Мне показалось что я вижу на улице

Дух века

Который говорит нам

что все мы стоим на самой кромке

Эл Стюарт

20 ноября 1973 года

Он по-прежнему делал все чисто машинально, не позволяя себе задуматься над своими поступками. Так было безопаснее. Словно в голове у него был установлен невидимый прерыватель, который щелкал и отключал его от сети питания всякий раз, как мозг спрашивал: Слушай, ну зачем ты так делаешь? И часть мозга тут же погружалась в темноту. Эй, Джорджи, а кто выключил свет? Кажется, я. Должно быть, замыкание какое-то. Сейчас проверю. Бац – свет вспыхивает. А вот предыдущей мысли уже и след простыл. Все чудесно. Продолжим, Фредди, – на чем мы остановились?

Он уже подходил к автобусной остановке, когда увидел вывеску:

БОЕПРИПАСЫ И АМУНИЦИЯ

ОРУЖЕЙНАЯ ЛАВКА ГАРВИ

«РЕМИНГТОН», «ВИНЧЕСТЕР», «КОЛЬТ», «СМИТ-БЕССОН»

ОХОТНИКИ, ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!

С серого неба сыпал мелкий снег. Это были самые первые в этом году снежинки, которые покрывали улицы белесыми пятнами, похожими на рассыпанную соду, а потом быстро таяли.

Он увидел мальчишку в красной шапочке, который шел с раскрытым ртом и ловил снежинки языком, далеко, до нелепости, высунутым наружу. Все равно растает, Фредди, подумал он, глядя на мальчугана, но тот все так же продолжал идти с задранной головой.

Остановившись перед оружейной лавкой, он осмотрелся, переминаясь с ноги на ногу. На журнальной стойке, установленной перед входом, разместились свежие выпуски газет. В глаза ему бросился заголовок:

ЗЫБКОЕ ПРЕКРАЩЕНИЕ ОГНЯ ЕЩЕ СОХРАНЯЕТСЯ

Чуть ниже смазанная надпись на листе картона гласила:

ПОЖАЛУЙСТА, НЕ ЗАБЫВАЙТЕ ПЛАТИТЬ ЗА ГАЗЕТЫ!

ПРОДАВЕЦ ЗА НИХ УЖЕ РАСПЛАТИЛСЯ

Внутри было тепло. Магази́чик был длинный и узкий. С одним-единственным проходом. За дверью по левую сторону располагался застекленный прилавок, заставленный коробочками с патронами. Он сразу узнал патроны двадцать второго калибра – в детстве, когда он еще жил в Коннектикуте, у него было одноствольное ружье, стрелявшее такими патронами. Года три он мечтал об

этом ружье, а потом, заплучив, не знал, что с ним делать. Палил по пустым жестянкам, а однажды подстрелил сойку. Неудачно подстрелил. Сойка жалась в снегу, вокруг нее расплывалось кровавое пятно, а клюв раненой птицы медленно открывался и закрывался. Беззвучно. После этого случая он повесил ружье на стену, где оно и провисело еще три года, пока он не продал его одному парнишке с их же улицы за девять долларов и коробку комиксов.

Другие патроны выглядели менее знакомыми. Да, это для ружья калибра тридцать-тридцать, это – триста шесть, а рядышком нечто напоминающее гаубичные снаряды, только меньшего размера. На кого, интересно, можно охотиться с такими? На тигров? Динозавров? Как замороженный он уставился на эти мини-снаряды, гордо выстроившиеся рядом за стеклом, словно шоколадные зверюшки в кондитерской лавке.

Продавец – или владелец – беседовал с каким-то толстяком в зеленых брюках и рубашке защитного цвета. С накладными карманами. Речь шла о пистолете, который лежал на прилавке, наполовину разобранный. Толстяк отодвинул затвор и показывал продавцу смазанные внутренности. Потом произнес нечто, вызвавшее у продавца смех.

– Кто тебе сказал, Мак, что в пистолетах вечно что-то заклинивает? Папаша твой, что ли?

– Слушай, Гарри, не будь таким задавакой!

И ты тоже задавака, Фред, подумал он. Причем отъявленный. Ты это знаешь, Фредди?

Фред ответил, что знает.

Вдоль всей правой стены протянулась застекленная витрина, в которой были развешаны всевозможные ружья. Он сразу узнал несколько двуствольных дробовиков, но вот все остальное видел впервые. Для него это оружие казалось загадкой. Для него, но не для других. Другие люди – скажем, эти двое – разбирались в оружии с такой же легкостью, как он в свое время – в курсе бухгалтерского дела, в котором специализировался, обучаясь в колледже.

Пройдя дальше, он остановился перед прилавком, под стеклом которого были разложены пистолеты. Пневматические, пара мелкокалиберных, револьвер тридцать восьмого калибра с обрубленным рылом и рукояткой, инкрустированной деревом, пистолет сорок пятого калибра и еще один пистолет, который он узнал – «магнум» сорок четвертого, – такой он уже видел в кино, у Грязного Гарри[1 - Знаменитый голливудский фильм с Клинтом Иствудом в роли Грязного Гарри – Гарри Каллахэна. – Здесь и далее примеч. пер.]. Как-то раз в прачечной Рон Стоун обсуждал этот фильм с Винни Мейсоном, и Винни сказал: «Нельзя, чтобы городские копы ходили с такими жуткими пушками. Ведь из них человека за целую милю продырявить можно».

Тем временем толстяк по имени Мак и продавец – или владелец – по имени Гарри (как Грязный Гарри!) снова собрали пистолет.

– Звякни мне, когда тебе этот «меншлер» доставят, – попросил Мак.

– Ладно... хотя ты зря так против автоматических пистолетов выступаешь, – проворчал Гарри. (Он решил, что Гарри все-таки владелец магазина; продавец не стал бы настолько фамильярничать с покупателем.) – А «кобра» тебе уже на следующей неделе понадобится?

– Да, желательно, – кивнул Мак.

– Боюсь, что не могу обещать.

– Ты никогда не обещаешь... но, сам знаешь, ты единственный в нашей дыре, кто знает толк в оружии.

– Пожалуй.

Мак на прощание похлопал лежавший на прилавке пистолет и, повернувшись, чтобы идти, наткнулся на вошедшего посетителя – Полегче на поворотах, Мак. Извиняться надо! – и даже ухом не поведя затопал к выходу. Под мышкой Мак держал газету, и он успел прочитать:

ЗЫБКОЕ ПРЕКРАЩ...

Гарри, по-прежнему улыбаясь, неодобрительно покачал головой и посмотрел на него.

– Чем могу помочь?

– Сейчас объясню. Только хочу сразу предупредить – в оружии я ни уха ни рыла не смыслю.

Гарри пожал плечами:

– А вы вовсе и не обязаны смыслить. Что, вам подарок нужен? К Рождеству?

– Да, именно. – Он поспешил ухватиться за спасительную соломинку. – Для моего кузена – его Ник зовут. Ник Адамс. Он в Мичигане живет, и у него просто изумительные ружья. Да. Он увлекается охотой, но дело даже не в охоте. У него это самое настоящее... как бы выразиться...

– Хобби? – подсказал Гарри, улыбаясь.

– Да, точно. Именно хобби. – Он чуть было не сказал «нечто вроде фетиша». Потупив взор, он посмотрел на кассовый аппарат, к которому была приклеена старая, выцветшая от времени наклейка. На ней было написано:

ЕСЛИ ОБЪЯВИТЬ ОРУЖИЕ ВНЕ ЗАКОНА,

ТО ВЛАДЕТЬ ИМ БУДУТ ТОЛЬКО БАНДИТЫ

Он улыбнулся Гарри и сказал:

– А ведь это и впрямь так.

– Конечно, – кивнул Гарри. – Значит, ваш кузен...

– Да, дело в том, что я ему обязан по гроб жизни. Он знает, как я люблю на моторках гонять, и на прошлое Рождество подарил мне роскошный эвинтродовский мотор мощностью в шестьдесят «лошадей». Специальной почтой доставили. А вот я ему всего лишь охотничью куртку подарил. Последним болваном себя потом чувствовал.

Гарри сочувственно закивал.

– Ну вот, а полтора месяца назад он мне письмо прислал. Совершенно восторженное, словно написал его шестилетний мальчуган, которому контрамарку в цирк дали. Оказывается, он и еще шестеро приятелей скинулись и купили себе тур в Мексику, туда, где устроено что-то вроде охотничьего парка...

– С охотой без ограничений?

– Да, именно так. Без всяких ограничений. – Он усмехнулся. – Там можно палить сколько душе угодно. Туда постоянно поставляют любых животных. Оленей, антилоп, медведей, бизонов. Каких угодно.

– Может, это Бока-Рио?

– Точно не помню. По-моему, название чуть подлиннее.

Глаза Гарри мечтательно затуманились.

– В шестьдесят пятом году мы вот с этим клиентом, который только что ушел, и еще двумя парнями смотались в Бока-Рио. Я там зебру подстрелил. Представляете – зебру! Я набил ее чучело и выставил дома в комнате, где остальные трофеи держу. В жизни больше такого наслаждения не испытывал... Эх, завидую я вашему кузену!

– Так вот, я посоветовался с женой, – продолжил он, – и она меня поддержала. Тем более что год у нас удачный выдался. Я ведь в прачечном комбинате работаю. В «Блю Риббон», что в Вест-Энде.

– Да, знаю.

Он вдруг понял, что может говорить с Гарри часами, а то и даже днями – хоть до самого Нового года, – переплетая ложь с правдой в искусный узор. И плевать он хотел на все остальное. На нехватку бензина, и на дорогую говядину, и на зыбкое прекращение огня. Начхать на все! Давай-ка лучше придумаем историю про несуществующего кузена, а, Фред? Давай, Джорджи.

– В этом году к нам и центральная больница перешла, и психбольница, да и несколько новых мотелей...

– «Кволити мотор-корт», что на Франклин-авеню, тоже ваши клиенты?

– Да.

– Я останавливался там пару раз, – промолвил Гарри. – Простыни и впрямь были словно новенькие. Забавно – когда останавливаешься где-то переночевать, никогда не задумываешься, кто все белье стирает.

– Да, так что год выдался удачный. Вот я и подумал: а куплю-ка Нику пистолет и ружьишко. Я знаю – он давно мечтал о «магнуме». Как-то раз он сказал мне, что...

Гарри достал из-под прилавка «магнум» сорок четвертого калибра и осторожно положил на стекло. Он взял его в руки, взвешивая. Ощущение ему понравилось. Пистолет был увесистый и... внушающий уверенность. С таким шутки плохи.

Он опустил «магнум» на прилавок.

– Патронник у него... – начал было Гарри.

Он расхохотался и предупреждающе поднял руку:

– Нечего меня уговаривать. Я уже сам уговорился. Дилетанту ведь много не надо. А как насчет амуниции?

Гарри пожал плечами:

– Я бы на вашем месте взял коробочек десять. Если понадобится, ваш кузен легко достанет еще. Стоит эта игрушка двести девяносто девять долларов плюс налог, но я готов отдать вам ее за двести восемьдесят, включая патроны. Устраивает?

– Еще бы, – сказал он совершенно искренне. А затем, понимая, что от него ожидают еще чего-то, добавил: – Красивая штучка.

– Если речь и впрямь идет о Бока-Рио, ваш кузен найдет ему применение.

– Теперь о ружье...

– А что у него есть?

Он беспомощно пожал плечами и развел руками:

– Понятия не имею. Два или три дробовика, кажется, и еще что-то, самозаряжающееся...

– «Ремингтон»? – Гарри спросил так быстро, что он даже испугался; у него вдруг возникло ощущение, что он прыгнул в реку, а дно ушло из-под ног.

– Да, кажется. Но я могу и ошибиться.

– Лучше «ремингтона» ничего не сыскать, – сказал Гарри, одобрительно кивая. Он сразу почувствовал себя лучше. – На какую сумму вы рассчитываете?

– Сейчас скажу. Мотор обошелся ему сотни в четыре. Я бы хотел уложиться в пятьсот долларов. Самое большее – в шестьсот.

– Да, вижу, кузен вам дорог.

– Мы вместе выросли, – искренне заверил он. – Господи, да ради Ника я бы правую руку отдал!

– Что ж, сейчас я вам кое-что покажу, – сказал Гарри.

Выбрав из связки нужный ключ, он подошел к одному из застекленных шкафов и отомкнул его. Затем влез на табурет и снял с крючка длинное тяжелое ружье с инкрустированным ложем.

– Оно, пожалуй, тянет чуть подороже, чем вы рассчитываете, но зато качество совершенно отменное, – сказал Гарри, вручая ему ружье. – Просто исключительное.

– Как оно называется?

– «Уэзерби», четыреста шестьдесят. Зарядов такого большого калибра у меня сейчас нет. Закажу в Чикаго – сколько вам понадобится. На это потребуется неделя. Балансировка изумительная. А убойная сила свыше восьми тысяч фунтов... Все равно что грузовик на вас налетит. Если попадете из него оленю в голову, то в качестве трофея один хвост останется.

– Не знаю, – с сомнением произнес он, хотя уже твердо решил, что купит именно это ружье. – Старина Ник как раз любит трофеи. Он ради них...

– Это понятно, – промолвил Гарри. Взял у него «уэзерби» и переломил ствол. Диаметр канала патронника был столь велик, что в него пролетел бы голубь. – В Бока-Рио за мясом не ездят. Ваш кузен будет целить в брюхо. Имея такую игрушку, ему не придется двенадцать миль преследовать по кустам и оврагам раненное и безумно страдающее животное, да и на ужин он не опоздает. Нет, от такой пули кишки на двадцать футов разлетятся.

– Сколько?

– Сейчас скажу. В городе с ним делать нечего. Кому здесь нужна такая противотанковая пушка, если в окрестностях ничего крупнее фазана не водится? А разить от подстреленной дичи будет, как от выхлопной трубы. В розницу эта игрушка тянет на девятьсот пятьдесят, а оптовая цена – шестьсот тридцать. Вам бы я уступил ее за семь сотен.

– То есть всего получается... почти тысяча?

– На покупки свыше трехсот долларов мы даем десятипроцентную скидку. Так что остается девятьсот. – Гарри пожал плечами. – Зато могу твердо гарантировать, что такого ружья у вашего кузена нет. В противном случае я тут же выкуплю его у вас назад за семьсот пятьдесят баксов. Готов даже расписку написать.

– На полном серьезе?

– Да. А то как же. Конечно, если это слишком дорого, тут уж ничего не попишешь. Давайте еще другие ружья посмотрим. Но если ваш кузен и вправду такой заядлый охотник, то все остальное у него уже вполне может быть.

– Понимаю. – Он сделал вид, что размышляет. – У вас есть телефон?

– Да, вон там сзади. Хотите с женой посоветоваться?

– Да, так будет вернее.

– Идемте, я покажу.

Гарри провел его в захлавленную комнатенку. Рядом со скамьей высился обшарпанный деревянный стол, на котором в беспорядке валялись оружейные детали, пружинки и винтики, распечатанные инструкции, стояли бутылочки с чистящей жидкостью и пронумерованные баночки с пулями.

– Вон телефон, – указал Гарри.

Он уселся на скамью, снял трубку и начал накручивать диск, а Гарри вернулся в лавку и занялся упаковкой «магнума».

– Спасибо, что позвонили в бюро метеосправки, – радостно приветствовал его записанный на пленку голос. – Сегодня днем ожидается сильный снегопад, который к вечеру постепенно ослабеет...

– Алло, Мэри? – перебил он. – Привет. Я в оружейной лавке Гарви. Да, по поводу Ники. Пистолет этот я уже взял, все нормально. Прямо с витрины. А потом Гарри показал мне одно ружье...

- ...завтра днем наладится. Давление будет постепенно расти. К вечеру вероятность осадков...

- Ну так что мне делать? - Гарри стоял в дверном проеме у него за спиной; он видел его тень.

- Да, - сказал он, чуть помолчав. - Я знаю.

Спасибо, что позвонили в бюро метеосправки, - прошептал ему в ухо женский голос. - Не забудьте в шесть часов вечера включить телевизор и послушать свежий прогноз погоды, подготовленный для вас Бобом Рейнольдсом. До свидания.

- Ты не шутишь? Я и сам отлично понимаю, что это слишком дорого.

- Спасибо, что позвонили в бюро метеосправки. Сегодня днем ожидается сильный снегопад, который к вечеру постепенно ослабеет...

- Ты уверена, милая?

- К вечеру вероятность осадков возрастет до восьмидесяти процентов...

- Что ж, давай так и сделаем. - Он повернул голову, улыбнулся Гарри и жестом показал, что все в порядке. - Он очень славный парень. Гарантирует, что такого ружья у Ника нет.

- ...наладится. Давление будет постепенно...

- Да, Мэри, я тоже тебя люблю. Пока. - Он положил трубку. Здорово, Фредди, ничего не скажешь. Да, Джорджи, я тоже доволен. Но и ты ведь не лыком шит.

Он встал.

- Она не возражает, если я согласен. А я согласен.

Гарри улыбнулся:

– А что вы сделаете, если в следующий раз кузен подарит вам глассер?

Он улыбнулся в ответ:

– Отошлю его назад, не вскрывая.

Они направились к прилавку. Гарри спросил:

– Чек или наличные?

– «Америкэн экспресс», если возможно.

– О, разумеется.

Он извлек из бумажника кредитную карточку. На именной полоске с обратной стороны значилось:

БАРТОН ДЖОРДЖ ДОУС

– А вы уверены, что заряды пришлют достаточно быстро, чтобы мне успеть отослать все Фреду вовремя?

Гарри, заполнявший бланк расчета по кредитной карточке, приподнял голову:

– Какому Фреду?

Его улыбка стала шире.

– Ник – это Фред, а Фред – это Ник, – сказал он. – Николас Фредерик Адамс. Мы вечно дразнили его из-за имени. С самого детства.

– Понятно. – Гарри вежливо улыбнулся, как улыбаются люди, признавая за другими право на чудачество. – Распишитесь, пожалуйста.

Он расписался.

Гарри достал из-под прилавка увесистую амбарную книгу, через которую сверху, у самого корешка, была пропущена стальная цепочка.

- Ваши имя и адрес, пожалуйста. Так нужно - для фэбээровцев.

Пальцы его, державшие авторучку, напряглись.

- Да, конечно, - сказал он. - Господи, никогда оружия не покупал, а тут сразу столько...

И он послушно вывел в книге:

Бартон Джордж Доус 1241

Западная Крестоллен-стрит.

- Всюду эти феды свой нос суют, - проворчал он.

- Да. Как будто им больше всех нужно, - кивнул Гарри.

- Это точно. Знаете, что вчера по радио передали? Они требуют принятия закона, чтобы все мотоциклисты, кроме шлема, носили еще и нагубник. Представляете - нагубник? Совсем оборзели! Какое им дело, если добропорядочный гражданин хочет добровольно сломать себе челюсть?

- Ну, от меня-то только адреса и имена требуют, - проворчал Гарри, убирая книгу под прилавок.

- Или взять хотя бы продолжение этой чертовой автострады, которую они собираются проложить прямо через Вест-Энд. Какой-то выскочка-инженер говорит: «Она вот здесь пройдет», - и наше дражайшее правительство тут же

рассылает кучу писем с уведомлением: «Извините, но через Ваш район пройдет продолжение автострады номер 784. В течение ближайшего года Вы должны подыскать себе новое жилье».

– Свинство, конечно.

– Вот именно. Какое дело людям до «права государства на принудительное отторжение частной собственности», если они двадцать лет в своем доме прожили? Предавались любви с женами, детей растили и возвращались из отпусков? Нет, они все эти законы специально изобрели, чтобы нас легче одурачить было.

Осторожнее, что-то ты слишком разболтался. Просто выключатель сработал с запозданием и кое-что успело просочиться.

Гарри метнул на него внимательный взгляд.

– Вы себя нормально чувствуете? – поинтересовался он.

– Да, вполне. Просто сандвич с консервами на ленч съел. Сам виноват. Всякий раз от них живот дует.

– Попробуйте вот это средство, – предложил Гарри, доставая из нагрудного кармана коробочку с пастилками. На обратной стороне было написано:

РОЛЭЙДС

– Спасибо, – поблагодарил он. Извлек одну пастилку и отправил в рот. – Вот, полюбуйте на меня, я звезда телерекламы. Это волшебное средство. Поглощает лишнюю кислоту в сорок семь раз больше собственного веса.

– Я только ими и спасаюсь, – сказал Гарри.

– Так насчет зарядов...

- Да, да. Неделя. Максимум – две. Я возьму вам семьдесят штук.

- А можно, я пока оставлю оружие у вас? Пометьте только, что оно мое. Я понимаю, это глупо, но мне как-то боязно его дома держать. Глупо, да?

- Кто как привык, – уклончиво ответил Гарри.

- Да. Только позвольте я оставлю вам свой служебный номер. Когда придут пули...

- Патроны, – перебил его Гарри. – Патроны или заряды.

- Ну да, патроны, – улыбнулся он. – Позвоните мне, когда их пришлют, ладно? Я заберу оружие и договорюсь об отправке. Думаю, на почте мне не откажут?

- Нет. Только вашему кузену придется потом расписаться в получении, вот и все.

Он записал свой служебный телефон на обратной стороне визитной карточки Гарри. На визитке значилось:

Гарольд Суиннертон 849-6330

ОРУЖЕЙНАЯ ЛАВКА ГАРВИ

Амуниция. Старинное оружие

- Послушайте, – спросил он. – Если вы Гарольд, то кто – Гарви?

- Мой покойный брат. Он умер восемь лет назад.

- Ох, извините.

– Да, так вот. Пришел утром, открыл лавку, снял кассу и – умер на месте. Сердечный приступ. Чудесный был человек, добрейшая душа. Бывало, оленя с двухсот ярдов наповал укладывал.

Он протянул руку через прилавок, и они обменялись рукопожатием.

– Я позвоню, – пообещал Гарри.

– Счастливо вам.

Он снова вышел на заснеженную улицу и приостановился возле газет с заголовком «ЗЫБКОЕ ПРЕКРАЩЕНИЕ ОГНЯ ЕЩЕ СОХРАНЯЕТСЯ». Снегопад усилился, а перчатки он оставил дома.

Что ты здесь делал, Джордж?

Хлоп, выключатель сработал.

К тому времени как он добрался до автобусной остановки, случившееся напрочь стерлось из его памяти. С таким же успехом он мог прочесть об этом в газете.

* * *

Длинная и извилистая Западная Крестоллен-стрит на большем своем протяжении тянулась по косогору. Прежде, до начала застройки, с вершины холма открывался прекрасный вид на парк и реку; теперь же высокие многоэтажки, отстроенные два года назад на Вестфилд-авеню, начисто перекрыли этот вид.

Дом номер 1241 был возведен уступами на террасах. Рядом располагался небольшой гараж на одну машину. Длинный передний двор был пуст, но снег еще не покрыл его. К дому вела аккуратная подъездная аллея, заново заасфальтированная лишь прошлой весной.

Войдя в дом, он услышал звук работающего телевизора, новой крупногабаритной модели «Зенита», которую они с женой приобрели прошлым

летом. Антенну на крыше – причем с дальним радиусом приема – он установил сам. Поначалу жена была против – уже тогда им было известно, что придется перебираться жить в другое место, – но он настоял. Ведь если антенну можно возвести, то что потом стоит ее снять? – так он рассуждал. Барт, не дури. Это лишние расходы, да и для тебя лишняя возня... Однако он был непреклонен, и в конце концов Мэри сказала, что, так и быть, она его «ублажит». Именно этим словечком она пользовалась в тех редких случаях, когда предмет спора настолько задевал его за живое, что он начинал с ней всерьез пререкаться. Хорошо, Барт, будь по-твоему. Так и быть, я «ублажу» тебя.

Сейчас она сидела перед телевизором и наблюдала, как Мерв Гриффин болтает с очередной знаменитостью. В качестве знаменитости на этот раз выступал Лорн Грин, распинавшийся про свой новый полицейский сериал «Грифф». Он рассказывал Мерву, какое блаженство испытывал во время съемок. Затем появится очередная темнокожая певица (черномазая певичка, так он подумал) и затынет очередной шлягер. Что-нибудь вроде «Мое сердце осталось в Сан-Франциско».

– Привет, Мэри! – поздоровался он.

– Привет, Барт.

Почта на столе. Он перебрал конверты и счета. Письмо для Мэри от ее полупомешанной сестрицы из Балтимора. Счет на кредитную карточку «Галф» – 38 долларов. Выписка из банковского счета: 49 расходных операций, 9 поступлений, остаток – 954 доллара 47 центов. Да, это удачно, что в оружейной лавке он воспользовался кредитной карточкой.

– Кофе еще горячий, – сказала Мэри. – Или хочешь что-нибудь выпить?

– Лучше выпить. Я сам приготовлю.

Еще какие-то бумажки. Напоминание из библиотеки о просроченной книге: «Лицом к лицу со львами» Тома Уикера. Месяц назад Уикер выступал на встрече ротарианского клуба; все потом единодушно признали, что лучшего оратора еще не слышали.

Записка от Стивена Орднера, одного из крупных заправил «Амроко», корпорации, которая владела контрольным пакетом акций «Блю Риббон». Орднер приглашал его зайти в гости, чтобы обсудить предстоящую сделку с фабрикой в Уотерфорде. Устроит ли Бартон пятница, или он собирается махнуть куда-нибудь на празднование Дня благодарения? Если да – просьба позвонить. Если нет – приглашение приехать вместе с Мэри. Карла, оказывается, давно уже мечтает потрепаться с Мэри и т. д. и т. п.

Очередное уведомление от компании, прокладывающей автостраду номер 784.

Он долго стоял, разглядывая это послание при сером свете, проникающем через окно, затем убрал всю почту на сервант. Приготовил себе виски со льдом и прошел в гостиную.

Мерв по-прежнему оживленно болтал с Лорном. Краски на новом «Зените» были не просто изумительные – они завораживали. Будь наши межконтинентальные баллистические ракеты столь же замечательными, подумал он, вот славно было бы где-нибудь бабахнуть. У Лорна была абсолютно седая шевелюра. Серебристая. Немыслимого оттенка серебра. Он вдруг, сам не зная почему, представил себе Лорна лысым. Плешивый как коленка, вспомнил он и смешливо хрюкнул. Хотя непонятно, чем так рассмешил его мысленный образ внезапно облысевшего Лорна Грина.

Мэри, улыбаясь, подняла голову.

– Смешинка в рот попала? – спросила она.

– Да так. – Он покачал головой. – Вспомнил кое-что.

Усевшись рядом с женой, он чмокнул ее в щеку. Высокая тридцативосьмилетняя женщина, она вступила в тот противоречивый возраст, когда женская красота как бы определяет, какой стать в зрелом возрасте. Кожа у нее была гладкая, а груди небольшие и упругие; такие не провиснут. В еде Мэри себе не отказывала, но подвижный образ жизни не позволял ей располнеть. Во всяком случае, и лет через десять ее не испугает приглашение появиться в купальнике на общественном пляже. Его мысли невольно перенеслись к собственному брюшку. Да брось ты, Фредди, где ты видел хоть какого-то руководителя без пуза? Живот в наши дни – символ успеха и процветания. Как «Дельта-88». Да, Джордж, ты

прав. Следи за своим четырехкамерным моторчиком, избегай рака – и дотянешь до восьмидесяти.

– Как прошел день? – спросила Мэри.

– Прекрасно.

– Ты уже смотрел новую фабрику в Уотерфорде?

– Нет, в другой раз.

Он не был в Уотерфорде с октября. Орднер это знал – кто-то наверняка ему напел, – поэтому и прислал это письмо. Новая фабрика должна была разместиться на месте бывшего прядильного комбината, и представитель мелкой риэлтерской фирмы то и дело названивал ему, пытаясь ускорить сделку. Вы ведь не единственные покупатели, напоминал он. Я тоже времени зря не теряю, отвечал он риэлтеру. Потерпите еще немного.

– Как насчет этого кирпичного дома на Кресент? – спросила Мэри. – Ты еще не смотрел?

– Он нам не по зубам, – ответил он. – За него сорок восемь тысяч просят.

– За такую лачугу! – вознегодовала Мэри. – Да это грабеж на большой дороге!

– Вот именно. – Он отпил виски. – Что рассказывает наша милая Беа из Балтимора?

– Ничего нового. Устроилась в какую-то сверхмодную клинику, где лечат с помощью гидротерапии. Потрясно, да? Слушай, Барт...

– Что?

– Нам ведь переезжать пора. Двадцатое января на носу. А то нас на улицу выставят.

- Я делаю все, что в моих силах, - заверил он. - Потерпи немного.

- Этот маленький особняк в колониальном стиле на Юнион-стрит...

- ...уже продан, - закончил он за нее, допивая виски.

- Вот именно об этом я тебе и толкую, - недовольно сказала Мэри. - Нам с тобой он бы подошел идеально. С учетом компенсации мы бы вполне потянули.

- Он мне не понравился.

- Что-то тебе в последнее время не угодишь, - проворчала Мэри. - Не понравился он ему, - пожаловалась она телевизору. На экране уже дергалась певичка-негритянка. Она пела «Эльфи».

- Мэри, я делаю все, что в моих силах, - терпеливо повторил он.

Она повернулась и посмотрела на него. Глаза ее сочувственно увлажнились.

- Барт, я прекрасно понимаю, насколько тебе дорог этот дом... - дрогнувшим голосом начала она.

- Нет, - сказал он. - Не понимаешь.

21 ноября 1973 года

За ночь все кругом покрылось тонким снежным ковром; сойдя с автобуса на тротуар, он сразу обратил внимание на следы людей, побывавших здесь до него. Он повернул на улицу Елей, а автобус, рыча по-тигриному, покатил дальше. Вскоре его обогнал Джонни Уокер, совершавший уже свою вторую за утро езду за бельем. Джонни приветливо помахал ему из кабины бело-голубого фургончика, а он помахал в ответ. Было чуть больше восьми утра.

Рабочий день в их прачечной начинался в семь утра с приходом управляющего Рона Стоуна и техника-смотрителя Дейва Рэднера, которые отпирали двери и запускали бойлер. В семь тридцать появлялись первые девушки, отвечавшие за сорочки, а работницы, обслуживающие скоростную гладильную машину, подходили к восьми. Сам он режим первого этажа не выносил совершенно: здесь, по его мнению, царил дух тяжелого ручного труда и эксплуатации; при этом по какой-то извращенной причине сами работавшие внизу мужчины и женщины его любили и уважали. Обращались всегда по имени. Впрочем, и ему все они, за редким исключением, нравились.

Он зашел через служебный вход, заставленный корзинами с отстиранными вчера, но еще не пропущенными через гладильный агрегат простынями. Каждая корзина была плотно прикрыта во избежание попадания пыли. Рон Стоун закреплял приводной ремень на допотопном «Мильноре», а его помощник, колледжский недоучка по имени Стив Поллак, загружал простыни, привезенные из мотеля, в стиральные машины.

– Здорово, Барт! – громогласно приветствовал его Рон Стоун. Он всегда не говорил, а ревел; тридцать лет общения с людьми под непрерывный грохот стиральных, сушильных и гладильных автоматов преобразовали его голосовые связки так, что не орать Стоун уже просто не мог.

– Этот чертов «Мильнор» совсем взбесился! – продолжал он. – Так отбеливает, что Дейву то и дело приходится прибегать к ручному обслуживанию. Но порошок все равно перерасходуется почему зря.

– Ничего, скоро мы получим заказ от Килгаллона, – утешил он. – Еще пару месяцев...

– На предприятии Уотерфорда?

– Угу, – легкомысленно брякнул он.

– Через два месяца меня уже в психушку упрячут, – мрачно предрек Стоун. – А перестройка... это будет хуже африканского военного парада.

– Но ведь наши клиенты снова к нам вернуться.

– Вернутся! Да мы месяца три только заново раскручиваться будем. А там уже, глядишь – и лето на носу.

Он кивнул, не желая продолжать этот разговор.

– Кого обслуживаете в первую очередь?

– «Холидей инн».

– С каждой загрузкой закладываете сотню полотенец. На полотенцах они просто тронулись.

– Они на всем тронулись.

– Сколько всего белья?

– Шестьсот фунтов без малого. В основном от «Шрайнера». Еще с понедельника осталось. В жизни не видел таких грязных простыней. Некоторые на ребро ставить можно.

Он кивнул в сторону новичка, Поллака:

– Как вам этот парнишка?

Подсобные работники в «Блю Риббон» долго не задерживались и менялись часто. Дейв гонял их в хвост и в гриву, да и громовые окрики Рона не добавляли им настроения.

– Пока неплохо, – сказал Стоун. – А помните его предшественника?

Он помнил. Тот бедолага продержался всего три часа.

– Да, не забыл еще. Как его звали-то?

Рон Стоун сдвинул густые брови:

– Не помню. Бейкер, что ли? Или Баркер? Что-то вроде того. В пятницу я видел его возле универмага; он раздавал листовки, призывающие бойкотировать зеленщиков или что-то в этом роде. Здорово, да? Работать не умеет, так теперь коммунистической пропагандой занимается. С ума сойти можно!

– После «Холидей инн» вы Говарда Джонсона пропустите?

Стоун обиженно фыркнул:

– Конечно! Их мы никогда не задерживаем.

– К девяти справитесь?

– Еще бы!

Кивнув Дейву, он поднялся на второй этаж. Миновал химчистку, бухгалтерию и вошел в свой кабинет. Уселся за стол во вращающееся кресло и придвинул к себе лоток с входящими документами. На столе красовалась табличка с призывом:

ДУМАЙ ГОЛОВОЙ!

Возможно, познаешь новые ощущения

Табличка ему не нравилась, но со стола он ее не убирал, потому что ее подарила Мэри. Когда? Лет пять назад? Он вздохнул. Приходившие к нему бизнесмены и рекламные агенты находили табличку забавной. Хохотали во всю мочь. С другой стороны, покажи рекламному агенту фотографию голодающего ребенка или Гитлера, насилующего Деву Марию, и он помрет со смеху. А вот Винни Мейсон, тот самый петушок, который, несомненно, напел на ухо Стиву Орднеру, держал на столе табличку с таким лозунгом:

ПУМАЙ!

Что за хреновина такая – «пумай»? Ведь такой белибердой даже рекламного агента не насмешить, не так ли, Фредди? Так, Джордж, ты прав, старина.

Снаружи загрохотал тяжелый дизель, и он развернулся на кресле, чтобы посмотреть в окно. Строители автострады готовились к началу очередного рабочего дня. Мимо прачечной неторопливо проплывал тягач с платформой, на которой стояли сразу два бульдозера, а сзади выстроилась целая вереница нетерпеливо гудящих легковушек.

Лучше всего было следить за ходом строительства с третьего этажа, над химчисткой. Автострада, словно надрез скальпеля в руках умелого хирурга, вскрыла деловую часть и жилые кварталы Вест-Энда; ее строящийся участок багровел на теле города, будто свежий шрам, заляпанный грязью. Автострада пересекла уже Гилдер-стрит, похоронила под собой парк на Хебнер-авеню, куда он водил гулять маленького Чарли... совсем еще крошку. Как же назывался этот парк? Он не мог вспомнить. Мне кажется, Фред, просто парк на Хебнер-авеню, да? Там были и детская игровая площадка, и карусель со зверюшками, и небольшой пруд, в котором плавали утки, а посередине красовался маленький домик. Летом крыша его всегда была заляпана птичьим пометом. И еще там были качели. Чарли обожал качаться, и именно там, в парке на Хебнер-авеню, научился этому. Что скажешь по этому поводу, Фредди? Что скажешь, старый дружище? Помнишь, как он поначалу перепугался? Даже заревел; ну а потом все наладилось и Чарли так пристрастился к качелям, что ревел уже, когда я его домой уводил. В машине по дороге домой весь костюмчик слезами залил. Неужели это и вправду было четырнадцать лет назад?

Мимо прогромыхал тяжелый грузовик, на котором громоздился погрузчик.

Райончик Гарсон сровняли с землей месяца четыре назад; он был всего в трех-четыре кварталах от Хебнер-авеню. Несколько деловых зданий, в которых размещались разные конторы, пара банков, приемные дантистов и всяких костоправов с хиромантами. Всех их было не жалко, но вот, глядя, как сносят старенький кинотеатр «Гранд», он испытал настоящую душевную боль. В начале пятидесятых годов именно там он посмотрел свои любимые фильмы. Хичкоковский «У» значит убийство» с Рэем Милландом и Грейс Келли и «День, когда Земля застыла» с Майклом Ренни. Как раз вчера этот фильм показывали по телевизору, и он так хотел посмотреть его, но заснул прямо перед экраном, а проснулся, когда уже этот чертов гимн исполняли. Пролил стакан виски на ковер и получил нахлобучку от Мэри.

Да, «Гранд» – это было, конечно, нечто из ряда вон выходящее. Не сравнить с современными кинотеатрами на окраинах – безликими коробками посреди автомобильной стоянки площадью в четыре квадратных мили. «Синема I», «Синема II», «Синема III», «Синема MCMXLVII». Как-то раз он свозил Мэри в один из таких кинотеатров в Уотерфорде – посмотреть «Крестного отца». Билеты обошлись им в пять долларов, а интерьер напоминал скорее кегельбан, нежели кинозал. Даже балкон отсутствовал. Не то что в «Гранде». Там пол в вестибюле был вымощен мрамором, а большой пакетик воздушной кукурузы, которую тут же рядом выпекал очаровательный старинный автомат, стоил всего десять центов. Билетер при входе (кстати, билеты обходились в шестьдесят центов) щеголял в красной, шитой галунами ливрее, а возрастом был примерно с Мафусаила. И всегда приветствовал вас беззубым шамканьем: «Надеюсь, кино вам понравится». В огромном кинозале вечно стоял устойчивый запах запыленного бархата. Места между рядами было предостаточно, так что никому не приходилось упираться коленками в спинку впереди стоящего кресла. А на потолке красовалась изумительная огромная люстра из настоящего хрусталя. Сидеть под ней было страшновато – в случае чего, остатки было бы потом и пылесосом не собрать. Да, «Гранд» был для него целой эпохой...

Он виновато посмотрел на часы. Прошло почти сорок минут. Скверно. Он только что выбросил сорок минут коту под хвост, а ведь даже толком ни о чем и не думал. Разве что о парке и о кинотеатре «Гранд».

У тебя что-то не так, Джорджи?

Возможно, Фред. Вполне возможно.

Он вытер щеки. Пальцы увлажнились – сам того не замечая, он всплакнул.

Он спустился, чтобы поговорить с Питером, который отвечал за доставку белья. Все были уже в полном сборе, первые простыни от Говарда Джонсона с шипением утюжились в гладильном агрегате, пол под ногами вибрировал из-за работающих полным ходом стиральных машин; Этель с Рондой старательно гладили сорочки.

Питер сказал, что вчерашнее белье уже загрузили в четвертый фургончик, и осведомился, не хочет ли он на него взглянуть. Он сказал, что не хочет. Затем спросил Питера, как обстоит дело с заказом «Холидей инн». Питер ответил, что белье сейчас как раз загружают, но остолоп из отеля, который за него отвечает, уже звонил и напоминал про полотенца.

Он кивнул и снова поднялся на второй этаж, чтобы поговорить с Винни Мейсоном. Однако Филлис сказала, что Винни вместе с Томом Грейнджером уехал в только что открывающийся немецкий ресторанчик договариваться насчет стирки скатертей.

– Передайте Винни, чтобы по возвращении заглянул ко мне, ладно?

– Конечно, мистер Доус. Кстати, вам звонил мистер Орднер и просил, если можно, перезвонить ему.

– Спасибо, Филлис.

Он вернулся в свой кабинет и занялся вновь поступившими бумагами.

Какой-то поставщик хотел поговорить с ним по поводу нового чистящего средства «Желтый вперед!».

И кто им только такие названия придумывает, недоумевал он, откладывая бумагу в сторону, для Рона Стоуна. Рон обожал навязывать Дейву новые средства; особенно если удавалось заполучить фунтов пятьсот бесплатно, на пробу.

Так, что там дальше? Благодарственное послание от Объединенного фонда. Он также отложил его в сторону, чтобы во время перерыва вывесить на доске объявлений внизу.

Предложение о поставке новой конторской мебели. В корзинку.

Реклама нового телефонного аппарата с автоответчиком и магнитофоном. С возможностью записи сообщений продолжительностью до тридцати секунд. Меня нет, болван! Не звони больше. В корзинку.

Письмо с жалобой от какой-то дамы, которая отдала в стирку шесть сорочек мужа, а получила их с сожженными воротничками. Он со вздохом отложил письмо в сторону. Придется принимать меры.

Определитель качества воды из университета. Надо после ленча поговорить о нем с Роном и Томом Грейнджером.

Извещение от страховой компании с завлекательным предложением запросто разбогатеть на восемьдесят тысяч долларов; для этого требовалось всего-навсего откинуть копыта. В корзину.

Письмо от умника риэлтера, продающего фабрику в Уотерфорде, с сообщением о том, что фабрикой очень заинтересовалась обувная компания «Том Макан». Довольно крупная рыба, между прочим. Риэлтер напоминал, что срок трехмесячного опциона на покупку фабрики, отпущенного «Блю Риббон», истекает 26 ноября. Эй вы там, в прачечной! Не забудьте, что близится час расплаты! В корзину.

Еще одно предложение для Рона. На сей раз – стиральный порошок с двусмысленным названием «Чистюля». Он положил его по соседству с «Желтым вперед!» и уже хотел было снова выглянуть в окно, когда зазвонил внутренний телефон. Вернулся Винни.

– Впустите его, Филлис.

Винни вошел. Высокий смуглокожий молодой человек лет двадцати пяти. Темные волосы, причесанные с нарочитой небрежностью. Одет он был в ярко-красный пиджак спортивного покроя и темно-коричневые брюки. Галстук-бабочка. Очень элегантный повеса, не правда ли, Фред? Да, Джордж, ты прав, старина.

– Как поживаете, Барт? – спросил Винни.

– Нормально, – ответил он. – Что там у вас в этом немецком ресторане?

Винни рассмеялся:

– Жаль, вас с нами не было. Старый фриц разве что хвостом не вилял от радости. Нет, Барт, переехав в Уотерфорд, мы мигом наберем обороты. Тем более что наши конкуренты пока дрыхнут без задних ног. Они даже рекламы не рассылают. Бедняга немец уже думал, что им придется самим свои скатерти полоскать. Местечко, кстати, у него классное. Настоящий пивной зал для бургеров. Думаю, соперников он наповал сразит. А запахи... Класс! – Он выразительно взмахнул руками и полез в карман за сигаретами. – Непременно свожу туда Шарон. Тем более что он нам десятипроцентную скидку дает.

Словно наяву он услышал слова Гарри, владельца оружейной лавки: На покупки свыше трехсот долларов мы даем десятипроцентную скидку.

Господи, подумал он, неужто я и вправду купил вчера все это оружие? Может, это сон?

В мозгу его что-то щелкнуло.

Эй, Джордж, что с тобой происходит...

– И велик заказ? – спросил он внезапно охрипшим голосом. И тут же прокашлялся.

– От четырехсот до шестисот скатерок в неделю, как только он откроется. Плюс салфетки. Чистый хлопок. Правда, из всех средств он предпочитает «Белого слона». Я сказал, что, мол, Бога ради.

Винни неспешно вынул сигарету из пачки, и он успел разглядеть этикетку. Терпеть он не мог это качество в Винни Мейсоне – тот курил сигареты с чудовищно мерзким запахом. На пачке было написано:

СИГАРЕТЫ

«ПЛЕЙЕРС» – МОРСКИЕ

СРЕДНЕГО РАЗМЕРА

Ну кто еще, кроме Винни, станет курить «Плейерс» – морские? Или «Король Сано»? Или «Британские овальные»? «Чудесные»? «Гибкие»? Стоит кому-то выпустить новую марку под названием «Дерьмо на палочке» или «Копченые легкие» – и Винни тут же спешно начнет курить их.

– Я сказал ему, что после переезда мы сможем обслуживать его по высшему классу. За сорок восемь часов. – Полюбовавшись напоследок на яркую пачку, Винни упрятал ее в карман. – Кстати, когда мы переезжаем?

– Вот об этом я и хотел с вами поговорить, – сказал он.

Ну как, Фред, задать ему перцу? Да, Джордж. Всыпь ему по первое число.

– Вот как? – Винни щелкнул золотой зажигалкой «Зиппо» и, затянувшись, выпустил дым через ноздри подобно актеру из дешевого английского фильма.

– Стив Орднер вчера оставил мне записку. Он хочет, чтобы в пятницу вечером я заскочил к нему по поводу фабрики в Уотерфорде.

– Да?

– А сегодня утром Стив Орднер позвонил сюда, когда я внизу беседовал с Питером Вассерманом. Мистер Орднер хочет, чтобы я перезвонил ему. Похоже, он чем-то всерьез озабочен. Вы не находите?

– Да, вполне возможно, – кивнул Винни, сверкая заранее припасенной на этот случай улыбкой. Дорога скользкая, соблюдайте осторожность.

– Меня вот что интересует – кто, по-вашему, мог его так настроить, черт побери?

– Ну вообще-то...

– Не прикидывайтесь, Винни! – взорвался он. – Хватит в кошки-мышки играть! Уже десять часов, а мне нужно поговорить с Орднером, с Роном Стоуном, а

потом еще позвонить Этель Джибс по поводу спаленных рубашек. Ну что, значит, подкапываетесь под меня, да?

– Видите ли, мы с Шарон в воскресенье вечером ужинали в Сент... доме мистера Орднера и...

– И как бы невзначай упомянули, что Барт Доус тянет с Уотерфордом, в то время как автострада номер 784 подступает все ближе и ближе. Так?

– Барт! – возмущенно выкрикнул Винни. – Все было чисто по-дружески. Как бы...

– Да, несомненно. Как и его записка с приглашением. Таким же дружеским будет и наш с ним разговор. Но дело не в этом, Винни. Суть в том, что он пригласил вас с женой как раз в надежде на то, что сумеет развязать вам язык. И вы его не разочаровали.

– Барт...

Он погрозил Винни пальцем.

– Выслушайте меня хорошенько и мотайте на ус, Винни. Еще одна подобная выходка, и можете искать себе новую работу. Ясно вам?

Винни казался обескураженным. Забытая сигарета тлела между пальцев.

– И еще, Винни, – добавил он уже спокойным тоном. – Я знаю, что вы выслушали от стариканов вроде меня шесть тысяч лекций на тему о том, как мы в вашем возрасте завоевывали мир. Однако, на мой взгляд, вы заслужили еще одну.

Винни раскрыл было рот, чтобы возразить.

– Я не считаю, что вы вонзили мне нож в спину, – произнес он, жестом останавливая Винни. – В противном случае я уволил бы вас в ту же секунду. Просто мне кажется, что вы дали маху по неопытности. Огромный дом – настоящий дворец, три коктейля перед ужином, вкуснейший суп, салат с экзотическим соусом, изумительное горячее, горничные в мини-юбках... Карла с ее королевскими манерами, но ничуть не высокомерная... А потом земляничный

торт или пирог с черникой и взбитыми сливками, кофе с парой рюмок бренди или ликера, ну и в заключение – неизбежный разговор по душам. Так?

– Примерно, – еле слышно прошептал Винни. В лице его смешались стыд и ненависть. Впрочем, стыда было чуть-чуть больше.

– Первым делом он спросил вас, как дела у Барта. Вы ответили, что замечательно. Он сказал, что старина Барт славный парень и прекрасный работник, но вот только с Уотерфордом немного затягивает. Вы согласились. Тогда он спросил, как, кстати, идут дела с этим контрактом? Вы ответили, что это совершенно не в вашей компетенции, а он сказал: «Да бросьте, Винсент, вы, безусловно, в курсе дела». И вы ответили: «Я знаю только, что Барт еще не подписал контракт. Слышал, правда, что парни из конторы Тома Макана тоже заинтересовались этой фабрикой, но, возможно, это только слухи». Ну вот, а потом он сказал: «Барту виднее – он наверняка знает, что делает». Затем вы выпили еще бренди, потом он спросил, считаете ли вы, что «Мустанги» пробьются в плей-офф. И все. Вы с Шарон уехали домой. А хотите знать, Винни, когда он пригласит вас в гости в следующий раз?

Винни не ответил.

– Когда ему снова понадобится доносчик, – жестко произнес он. – Вот когда.

– Извините, – подавленно пролепетал Винни и привстал, собираясь уходить.

– Я еще не закончил.

Винни снова сел и уставился в сторону. Вид у него был растерянный и жалкий.

– Между прочим, двенадцать лет назад я как раз занимал вашу должность. Вам это известно? Для вас это огромный срок. А я вот просто понять не могу, куда это чертово время подевалось! Впрочем, я достаточно хорошо помню эту работу, чтобы понимать: вам она по душе. И работаете вы добросовестно, с отдачей. Химчистку реорганизовали, новую систему нумерации ввели – это просто гениально.

Винни смотрел на него с озадаченным видом.

– А вообще я начал работать в прачечной еще двадцать лет назад, – продолжил он. – В 1953 году мне как раз исполнилось двадцать. Мы с Мэри едва успели пожениться. К тому времени я отучился два года в бизнес-колледже, и мы с Мэри не торопились с браком, однако жили вместе и пользовались методом прерванного сношения. Как-то раз случилось так, что кто-то внизу хлопнул дверью и до того меня напугал, что я кончил. И Мэри забеременела. С тех пор всякий раз, когда я завожусь, вспоминаю, что причиной моего нынешнего положения является хлопнувшая дверь. Это мигом отрезвляет. В те годы даже мечтать не могли о нынешних законах, разрешающих аборты. Когда девушка залетала, оставалось либо жениться на ней, либо уносить ноги. Другого выбора не было. Я женился на Мэри и устроился на первую попавшуюся работу. Именно сюда. Мальчишкой на побегушках, примерно таким, как этот Поллак внизу. В те дни все процедуры производились вручную, а белье после стирки загружали в специальные отжимочные агрегаты, вместимость которых составляла примерно пятьсот фунтов мокрого белья. Неправильно загрузив его, работник рисковал остаться без ноги. На седьмом месяце у Мэри случился выкидыш, и врачи сказали, что больше детей у нее не будет. Я проработал на том месте три года, принося домой после пятидесятипятичасовой рабочей недели пятьдесят пять долларов. Затем Ральф Альбертсон, который в те годы заправлял стиркой, угодил в мелкую дорожную аварию и скончался от сердечного приступа прямо на улице, обмениваясь с другим водителем телефонами и адресами своих страховых компаний. Славный был человек. В день его похорон вся прачечная не работала. После того как его предали земле, я пришел к Рэю Таркингтону и попросил взять меня на место Ральфа. Я был уверен, что получу это место. Ральф обучил меня всем премудростям своего дела, и я знал процесс стирки как свои пять пальцев.

В те дни, Винни, прачечная наша была семейным бизнесом. Владели и управляли ею Рэй Таркингтон и его отец, Дон. В свою очередь, Дон унаследовал «Блю Риббон» от своего папаши, открывшего эту прачечную еще в 1926 году. Профсоюзной организации у нас не было, поэтому работники вполне могли утверждать, что трио Таркингтонов нещадно эксплуатирует бедных необразованных трудящихся – как мужчин, так и женщин. Так оно и было. Однако, когда Бетти Кисон поскользнулась на мокром полу и сломала руку, Таркингтоны не только оплатили все больничные счета, но и выделяли ей по десять долларов в неделю на еду, пока Бетти не вернулась на работу. А каждое Рождество они устраивали торжественный ужин, на котором подавали лучшие в городе пироги с цыпленком, клюквенное желе, выпечку и вкуснейшие пудинги на выбор. Каждой женщине Дон с Рэем преподносили на Рождество сережки, а каждому мужчине – галстук. Я до сих пор храню дома в стенном шкафу все

девять галстуков, подаренных мне в те годы.

Когда в 1959 году Дон Таркингтон скончался, я надел один из них на его похороны. Он уже совершенно вышел из моды, и Мэри бранила меня последними словами, но я все равно надел его.

Освещение было тогда тусклое, а работа монотонная и изматывающая, но зато отношения – человеческие. Стоило сломаться отжимной машине, и Дон с Рэем, засучив рукава, трудились бок о бок с нами, выкручивая простыни вручную. Вот какой был в те годы семейный бизнес, Винни. Так-то.

Потому-то после смерти Ральфа, когда Рэй Таркингтон сказал мне, что уже нанял на его место какого-то парня со стороны, я просто не мог понять, что происходит. Тогда Рэй и сказал мне: «Мы с отцом хотим, чтобы ты вернулся в колледж». А я и говорю в ответ: «Это здорово. А на какие шиши?»

И тут же, не сходя с места, он вручил мне чек на две тысячи долларов. Я уставился на эту бумажку, не веря своим глазам. Потом спросил: «Что это?» А он ответил: «Этого, конечно, недостаточно, но на учебу, общежитие и книги хватит. Остальное заработаешь здесь летом, хорошо?»

Я и спрашиваю: «Есть ли способ вас отблагодарить?» – «Да, – сказал он. – Целых три. Во-первых, ты должен вернуть мне эту ссуду. Во-вторых, проценты по ней. А в-третьих, воплотить полученные знания здесь, в «Блю Риббон». Я отнес чек домой и показал Мэри, а она расплакалась. Обхватила голову руками и разревелась.

Винни уставился на него уже с откровенным изумлением.

– Итак, в 1955 году я восстановился в колледже, который и окончил два года спустя. Потом вернулся в прачечную, и Рэй сразу поставил меня транспортным боссом. Девяносто долларов в неделю. Сделав первую выплату по ссуде, я спросил Рэя, какие набежали проценты. А он ответил: «Один процент».

Мне показалось, что я ослышался. «Сколько?» – переспросил я.

Он повторил: «Один процент. И вообще – в чем дело? Тебе что, заняться нечем?»
А я ответил: «Отчего же – я сейчас пойду и приведу врача, чтобы он вас обследовал. У вас, по-моему, с головой не все в порядке».

Рэй расхохотался и велел мне выметаться из кабинета к чертям собачьим.
Остаток ссуды я погасил в 1960 году, Винни. И что вы думаете? Рэй подарил мне часы. Вот эти.

Он закатал манжет и показал Винни роскошные часы «Булова» в золотом корпусе.

– Рэй сказал, что это подарок-аванс, в расчете на будущее. За все свое обучение я выплатил ему в виде процентов всего двадцать долларов, а этот сукин сын возьми и преподнеси мне подарок ценой в восемьдесят баксов. С гравировкой сзади: «С наилучшими пожеланиями – от Дона и Рэя. Прачечная «Блю Риббон». К тому времени Дон уже год как находился в могиле.

А в 1963 году Рэй поставил меня на ваше место, Винни, вменив мне в обязанность надзирать за химчисткой, новыми счетами и нашими филиалами – правда, тогда их было всего пять, а не одиннадцать, как сейчас. Я занимал эту должность до 1967 года, а потом уже Рэй поставил меня сюда. Ну вот, а четыре года спустя ему пришлось продать свое дело. Сами знаете, как эти сволочи его обложили. Он в одночасье постарел. Теперь мы вошли в их корпорацию наряду с парой дюжин других предприятий самого разного профиля – с ресторанами быстрого питания, гольф-клубом, тремя универмагами, что всем глаза мозолят, бензозаправками и прочим дерьмом. А Стив Орднер здесь всего лишь почетный президент. Где-нибудь в Чикаго или Гэри заседает совет директоров, который посвящает «Блю Риббон» пятнадцать минут в неделю. А ведь по большому счету им начхать на нашу прачечную. Они ни хрена в нашем деле не понимают. Им одно важно – бухгалтерская отчетность. Вот тут-то они собаку съели. И вот их бухгалтер заявляет: «Между прочим, через Вест-Сайд прокладывают автостраду номер 784, а «Блю Риббон» и жилые кварталы стоят как раз на ее пути». А директора вопрошают: «Вот как? И какую компенсацию мы получим?» И все. Господи, да будь Дон и Рэй Таркингтоны живы, они бы этих вонючих козлов из строительной компании так по судам затаскали, что те бы до 2000 года и думать забыли о своих гребаных дорогах. Да, Винни, пусть Дона с Рэем и считали эксплуататорами, но они душой за свое дело болели. Об этом вы ни в каких бухгалтерских отчетах не прочитаете. Скажи им кто-нибудь, что нашлись умники, возжелавшие похоронить их прачечную под слоем бетона и асфальта

шириной в восемь полос, так они бы шум до небес устроили.

- Да, но их уже нет в живых, - напомнил Винни.

- Верно, - кивнул он. Мысли его вдруг стали дряблыми и расстроенными, как гитара в неумелых руках. Все, что он хотел сказать Винни, захлебнулось в потоке эмоций. Ты только посмотри на него, Фредди, он ведь даже не понимает, что я пытаюсь ему втолковать. Он меня не слышит. - И слава Богу, что они всего этого не видят.

Винни промолчал.

Собрав волю в кулак, он продолжил:

- Я хочу сказать, Винни, что в этой истории участвуют две группы людей. Они и мы. Мы занимаемся чисткой и стиркой. Это наш бизнес. Их интересуют только отчеты и цифры. Но командуют всем они. Нам присылают распоряжение, а мы его выполняем. Но и только. Ничего другого мы делать не обязаны. Понимаете?

- Да, Барт, конечно, - ответил Винни, но ему стало ясно: Винни ни черта не понял. Он и сам не вполне понимал, что имел в виду.

- Хорошо, - кивнул он. - Я поговорю с Орднером. Кстати, Винни, довожу до вашего сведения, что здание в Уотерфорде ничуть не уступает нашему. В ближайший вторник я подписываю контракт.

Винни радостно заулыбался и выпалил:

- Ух как здорово!

- Да. Все идет по плану.

Винни был уже в дверях, когда он окликнул его:

- Расскажите потом, как вам понравилось в этом немецком ресторане.

– Непременно, Барт, – пообещал Винни, ослепив его своей фирменной улыбкой.

Винни ушел, а он все продолжал смотреть на дверь. Я все испортил, Фред. Нет, Джордж, все не так уж скверно. Под конец разве что чуть оплошал, но ведь только в книгах люди с первого раза говорят все правильно. Нет, Фред, все-таки я облажался. Винни ушел с мыслью, что Барт Доус начал сдавать свои позиции. И ведь он прав. Слушай, Джордж, хочу спросить тебя по-мужски. Нет, только не отключай меня. На кой черт ты купил все это оружие, Джордж? Зачем оно тебе понадобилось?

Щелк, выключатель сработал.

Он спустился на первый этаж и передал Рону Стоуну папку с рекламными предложениями. Рон тут же громовым голосом позвал Дейва, чтобы тот посмотрел, нет ли там чего-нибудь такого. Дейв закатил глаза. Он прекрасно знал, что там есть что-нибудь такое. Оно называется работа.

Он снова вернулся в свой кабинет и позвонил Орднеру, надеясь, что тот уже ушел обедать. Увы, сегодня был не его день. Секретарша мигом соединила его с Орднером.

– Привет, Барт! – раздался уверенный голос Стива Орднера. – Рад вас слышать, старина.

– Я тоже, – соврал он. – Я тут беседовал с Винни Мейсоном. У него создалось впечатление, что вы обеспокоены по поводу уотерфордской фабрики.

– Да ну, с какой стати? – запротестовал Орднер. – Однако мне бы хотелось в эту пятницу...

– Вот я как раз и звоню, чтобы сказать – Мэри не сможет прийти.

– Да?

– Какой-то вирус, похоже, подцепила. От туалета на пару шагов отойти боится.

– Ах какая жалость!

Да пошел ты в задницу со своей жалостью!

– Врач дал ей какие-то таблетки – вроде бы помогают. Но рисковать не стоит – вдруг она вас заразит.

– А вы когда сможете прийти? В восемь удобно?

– Да, вполне.

Черт бы тебя побрал, скотина! Придется из-за тебя вечерний фильм пропустить.

– А как продвигаются наши дела с Уотерфордом, Барт?

– Об этом нам лучше поговорить с глазу на глаз, Стив.

– Что ж, пусть так. – Он ненадолго приумолк. – Карла передает вам привет. И скажите Мэри, что мы с Карлой желаем ей...

Неприменно. Разбежался. Держи карман шире.

22 ноября 1973 года

Проснувшись в испуге, что кричал во сне, он так дернулся, что подушка слетела на пол. Однако Мэри преспокойно спала на соседней кровати, неподвижный комочек под одеялом. Кварцевые часы на бюро высвечивали

4:23.

Щелчок, и пошла следующая минута. Подарок на прошлое Рождество от Беа, чудаковатой сестрицы Мэри из Балтимора, которая лечилась с помощью гидротерапии. Против самих часов он ничего не имел, но вот щелчки, с которыми сменялись цифры, его нервировали. 4:23, щелк, 4:24, щелк. Свихнуться можно.

Он спустился в ванную, включил свет и помочился. При этом сердце заколотилось как ненормальное. В последнее время он стал замечать, что всякий акт мочеиспускания сопровождается у него усиленным сердцебиением. Господи, неужели ты пытаешься мне что-то сказать таким необычным образом?

Он вернулся в спальню, лег в постель, но долго не мог уснуть. Перед этим он так метался во сне, что постель была разворочена, словно поле боя после бомбежки. Он так и не сумел привести ее в порядок. Да и конечности его никак не могли принять удобное для сна положение.

Истолковать сон было несложно. Никаких проблем, Фред. В состоянии бодрствования любой мог запросто исполнить фокус с выключателем; он мог раскрашивать какую-нибудь картинку по кусочкам, притворяясь, что не видит всего изображения. Всю картину целиком можно запрятать в недрах подсознания. Однако там оставалась потайная дверца. Во сне она порой с грохотом распаивалась, и тогда из мрака выползало нечто. Щелк!

4:42

Во сне он ездил на Пирс-Бич с Чарли. (Забавно, что, пересказывая Винни Мейсону свою биографию, он забыл упомянуть Чарли. Забавно, да, Фред? Нет, Джордж, лично я не вижу тут ничего забавного. Я тоже, Фред. Но сейчас слишком поздно. Или слишком рано. Или еще как-то.)

Во сне они с Чарли бродили по бесконечному пляжу с белым песком. Денек стоял замечательный – ярко-синее небо, а солнце радостно сияло, как веселая физиономия на одном из идиотских значков, что призывают вас всегда улыбаться. На ярких одеялах или под разноцветными зонтиками нежились люди, а детишки возились в песочке у воды; они строили песчаные замки или лепили куличи. Загорелый дочерна спасатель сидел на белоснежной вышке; плавки его

столь горделиво топорщились спереди, словно внушительные размеры причиндалов считались непременным атрибутом профессии, и спасатель как бы заверял пляжников – у меня все в порядке, я вас не подведу. У кого-то во всю мощь надрывался транзисторный приемник, из которого неслась разухабистая танцевальная музыка. Он даже слова запомнил:

Я влюблен в эту грязную воду,

О-оо, Бостон, ты мой дом!

Вызывающе покачивая почти полностью оголенными ягодицами, мимо прошествовали босиком две девушки в бикини; жаль, что такие роскошные тела пропадают; точнее – достанутся их неведомым любовникам.

И все-таки странно, Фред, – начинался прилив, а прилива быть не могло, поскольку до ближайшего океана отсюда было девятьсот миль.

Они с Чарли возводили замок из песка. Но только строить его начали слишком близко от воды, которая подступала теперь все ближе и ближе.

Папа, нужно перенести замок подальше, сказал Чарли. Но он заупрямился и продолжал строительство на прежнем месте. Когда волна начала подмывать первую крепостную стену, он выкопал ров, раздвигая мокрый песок, словно женское влагалище. Но вода прибывала.

Чтоб тебя! – обругал он воду.

Он отстроил стену заново. Набежавшая волна тут же разрушила ее до основания. Вдруг послышались крики. Забегали люди. Пронзительный свист спасателя рассек воздух подобно серебристой стреле. Но он не поднимал голову. Он должен был во что бы то ни стало спасти замок. А вода все прибывала, заливая щиколотки, смывая башенки и бастионы, обрушивая стены. Когда откатилась очередная волна, на месте замка остался лишь ровный песок, мелкий и сверкающий.

Крики усилились. Кто-то заплакал. Подняв голову, он увидел, что спасатель, склонившись над Чарли, делает ему искусственное дыхание. Чарли был мокрый и бледный, только губы и веки совсем посинели. Он не шевелился. Спасатель

встал и огляделся по сторонам. Почему-то на губах его играла улыбка.

Он захлебнулся в волнах, ухмыляясь, пояснил спасатель. А вам не пора искупаться?

- Чарли! - завопил он.

И... проснулся в испуге, что и в самом деле громко закричал во сне.

Он еще долго лежал в темноте, прислушиваясь к щелчкам электронных часов и стараясь не вызывать в памяти страшный сон. В конце концов не выдержал и спустился в кухню, чтобы выпить молока. Лишь увидев на столе замороженную индейку, которая оттаивала на блюде, он вспомнил, что сегодня День благодарения, а прачечная по этому случаю закрыта. Он выпил молоко стоя, задумчиво поглядывая на ошипанную тушку. Цвет ее был почти такой же, как кожа его сына в этом ужасном сне. Хотя Чарли, разумеется, вовсе не утонул.

Когда он вернулся в спальню, Мэри что-то сонно пробормотала, но он не разобрал, что она хотела.

- Все нормально, - сказал он. - Спи.

Но она снова забормотала.

- Ладно, - наугад ответил он в темноту.

И она уснула.

Щелк!

Пять утра. Когда он наконец забылся сном, в спальню уже неслышно закрадывался рассвет. Напоследок в его мозгу промелькнуло видение индейки, которая сидела на кухонном столе в матовом мерцании; мертвое мясо, тупо дожидавшееся, когда его запекут.

23 ноября 1973 года

Без пяти восемь он вкатил на своем двухлетнем «ЛТД» на подъездную аллею Стивена Орднера и остановился позади орднеровской бутылочно-зеленой «Дельты-88». Роскошный особняк частично скрывался за высокими зарослями бирючины, которые теперь, в преддверии зимы, напоминали костлявые старушечьи пальцы, скрюченные подагрой. Ему уже приходилось бывать здесь прежде, и дом он знал неплохо. Внизу располагался грандиозный камин, облицованный мрамором. В каждой из спален наверху также имелся свой камин, но уже не столь внушительных размеров. Все помещения отапливались. В цоколе стоял бильярдный стол «Брансуик»; кроме того, там были настоящий экран, на котором Орднер показывал фильмы, и потрясающая стереосистема «KLN», которую Орднер год назад преобразовал в квадро. Стены украшали фотоснимки баскетбольной команды колледжа, в которой выступал Орднер – роста в нем было шесть футов пять дюймов, и он до сих пор пребывал в прекрасной форме. Входя в любую дверь, он неизменно нагибался, чем, похоже, втайне даже гордился. Он подозревал, что Орднер специально сделал косяки пониже, чтобы пригнаться.

В столовой стоял роскошный стол из полированного дуба в девять футов длиной. Под стать ему был высокий комод на ножках, сверкавший тщательно отлакированным глянцем. У противоположной стены висела стеклянная горка с фарфоровой посудой; тоже, наверное, около шести с половиной футов в высоту, да, Фред? Да, пожалуй. Сразу за особняком была сделана яма для барбекю, способная вместить целого неосвежеванного динозавра, а за ней расстилалось поле для гольфа. Только вот бассейна не доставало. В те дни бассейны вышли из моды. Разве что умеренно зажиточные поклонники бога Ра из Южной Калифорнии продолжали обзаводиться ими. Своих детей у Орднеров не было, но они взяли на воспитание одного малолетнего корейца и одного ребенка из Вьетнама, а еще один их воспитанник из Уганды уже учился на инженера, чтобы по возвращении в свою страну возводить там плотины. Орднеры всегда поддерживали демократов, но на последних выборах голосовали за Никсона.

Слегка шаркая подошвами, он поднялся на крыльцо и позвонил. Дверь открыла горничная.

– Я мистер Доус, – представился он.

– Да, сэр. Здравствуйте. Позвольте взять ваше пальто. Мистер Орднер у себя в кабинете.

– Спасибо.

Оставив горничной пальто, он прошел по коридору, миновав сначала кухню, а затем столовую. Мельком взглянул на длинный стол и на фамильный комод Стивена Орднера. В этом месте ковровая дорожка сменилась линолеумом в черно-белую клетку. Шаги гулко отдавались по коридору.

Он подошел к двери кабинета, но не успел потянуться к ручке, как дверь распахнулась и в проеме возник улыбающийся Орднер.

Он знал, что Орднер встретит его именно так.

– Здравствуйте, Барт! – приветливо произнес Орднер.

Они обменялись рукопожатием. Орднер был одет в коричневую кордовую куртку с кожаными заплатками на локтях, оливковые брюки и шлепанцы. Он был без галстука.

– Здравствуйте, Стив. Как дела на финансовом поприще?

– Ужасно! – театрально простонал Орднер. – Вы сегодня проглядывали биржевую страничку? – Впустив гостя в кабинет, он прикрыл дверь. Все стены были уставлены стеллажами с книгами. Слева приютился небольшой электрический камин. В центре кабинета стоял массивный письменный стол, на котором были разложены кое-какие бумаги. Он знал, что где-то под крышкой скрывается электрическая пишущая машинка; стоило только нажать кнопку справа, как она выскакивала, словно чертик из коробки.

– Похоже, биржевые индексы опять поползли вниз, – промолвил он.

Орднер поморщился.

– Это еще мягко сказано, Барт. А ведь весь сыр-бор из-за Никсона разгорелся. Все-то он должен попробовать. Да, пусть и сработала эта теория домино в Юго-

Восточной Азии, но ведь нельзя было так бездумно переносить ее в Америку! Черт знает что! Вы что будете пить?

- Шотландское виски со льдом.

- Это у меня как раз здесь есть.

Он подошел к встроенному бару и извлек из него плоскую бутылку виски, из тех, что продают по девять с небольшим долларов в мелкооптовых лавках. Бросил в рюмку два кусочка льда и налил виски.

- Присаживайтесь, - предложил Орднер, вручая ему рюмку. Они уселись в кресла, стоявшие по обеим сторонам от горящего камина.

Он вдруг подумал: А ведь плесни я сейчас виски в камин, вся эта хреновина взорвется к чертовой матери! - и с трудом удержался от искушения.

- Карлу мы сегодня тоже не увидим, - произнес Орднер. - Одна из ее групп спонсирует модное шоу. Собралась поехать в какую-то молодежную кофейню в Нортоне.

- Так, значит, шоу состоится в Нортоне?

Орднер испуганно встрепенулся и приподнял голову:

- В Нортоне? Ну нет, черт возьми! В Расселе. Я бы Карлу на Лэндинг-Стрип даже с двумя телохранителями и полицейской собакой не пустил. Есть там один священник... Дрейк, кажется. Пьет как лошадь, но эти малолетние проходимцы его просто обожают. Он для них как бы связующее звено между двумя мирами. Уличный священник.

- Вот как?

- Да.

С минуту они молча сидели и таращились на мерцающее электрическое пламя в камине. Он уже наполовину осушил свой стакан.

– На прошлом заседании совета директоров подняли вопрос об Уотерфорде, – произнес наконец Орднер. – В середине ноября. Мне пришлось признать, что я не вполне владею ситуацией. И мне поручили... выяснить, как обстоят дела. Это никак не связано с вашей работой, Барт...

– Я понимаю, – промолвил он, отпивая еще виски. В рюмке оставалось буквально несколько капель напитка, в которых плавали кубики подтаявшего льда. – Всегда приятно находиться с вами в одной упряжке, Стив.

Орднер кивнул с польщенным видом.

– Ну так что вы мне скажете? Винни Мейсон сказал, что сделка до сих пор не заключена.

– У Винни Мейсона устаревшие сведения.

– А, так вы ее уже заключили?

– Все уже на мази. В ближайшую пятницу, если ничего не случится, я собираюсь подписать контракт.

– По моим сведениям, риэлтер сделал вам весьма выгодное предложение, но вы его отклонили.

Он посмотрел на Орднера, встал и подлил себе еще виски.

– Это вам тоже Винни Мейсон сказал?

– Нет.

Он снова уселся в кресло напротив камина.

– Может, поделитесь источником информации?

Орднер развел руками:

– Это ведь бизнес, Барт. Я обязан проверять все слухи, какими бы нелепыми и вздорными они мне ни казались. Я понимаю, вам неприятно, но вы не должны относить это на свой счет.

Фредди, но ведь никто не знал о моем отказе, кроме меня и самого риэлтера. Похоже, этот старый лис навел справки по каким-то собственным каналам. Не стоит кипятиться, а, Фредди? Не стоит, Джордж. Может, поставить его на место, Фредди? Нет, Джордж, держи себя в руках. И не налегай так на спиртное.

– Цена, которую я отклонил, – четыреста пятьдесят тысяч, – сказал он наконец. – Скажите честно – вам такую сумму назвали?

– Да, примерно.

– И что, предложение показалось вам выгодным?

– Откровенно говоря, – Орднер закинул ногу на ногу, – да. Городские власти оценили старый завод в шестьсот двадцать тысяч, а бойлер перебросить туда не так сложно. Конечно, места там маловато и расширяться особенно некуда, но... мне показалось, что лучшего варианта нам сейчас не найти. В конце концов должны же мы куда-то переехать! А времени уже кот наплакал.

– Возможно, это не все, что вы слышали?

Орднер поменял ноги местами и вздохнул:

– Да, Барт. Мне сказали, что, узнав о вашем отказе, Том Макан тут же предложил им пятьсот тысяч.

– Но риэлтер не имеет права принять это предложение.

– Пока не имеет. Наш опцион истекает уже в этот вторник. Вы не забыли?

– Нет. Послушайте, Стив, я хочу привести вам несколько веских доводов.

– Пожалуйста.

– Во-первых, Уотерфорд мили на три отдалит нас от большинства наших нынешних клиентов – это в среднем. Так что нам придется здорово попотеть, чтобы набрать прежние обороты. Более того, работать мы станем медленнее. Все мотели расположены вдоль автомагистрали. «Холидей инн» и «Хойо» даже сейчас готовы с нас три шкуры содрать, стоит нам хоть на пятнадцать минут задержать их полотенца. Представляете, что начнется теперь, когда нашим фургонам придется пробиваться лишние три мили по перегруженным улицам?

Орднер замотал головой:

– Барт, но ведь они продлевают магистраль! Именно поэтому мы и переезжаем. Наши парни уверяют, что мы не только не проиграем во времени благодаря новой магистрали, но, напротив, выиграем. Вдобавок, по их словам, владельцы мотелей уже скупил земли в Уотерфорде и Расселе – поблизости от места прохождения новой дороги. Нет, Барт, переезд в Уотерфорд только укрепит наши позиции, а никак не ослабит их.

Похоже, я обмишурился, Фредди. Он понимает, что прижал меня к стенке. Спокойно, Джорджи. Хвост морковкой.

– Что ж, с этим я согласен, – улыбнулся он. – Однако новые мотели построят в лучшем случае через год, а то и через два. Если же энергетический кризис и впрямь настолько серьезен, как об этом трубят...

– Решение о переезде уже принято нашим начальством, Барт, – сухо произнес Орднер. – Мы с вами лишь исполнители. И должны выполнять приказ.

Ему показалось, что в тоне Орднера прозвучал упрек.

– Согласен. Я просто хотел поделиться с вами своими соображениями по этому поводу.

– Хорошо. Я вас понял. Однако не вы принимаете решение, Барт. Я хочу, чтобы вы это твердо уяснили. Если поставки нефти прекратятся и мы останемся без бензина, то в заднице окажутся все, а не мы одни. Однако я предлагаю, чтобы мы с вами занимались своим делом, а беспокоиться обо всем этом предоставили нашему совету директоров.

Меня, похоже, отчитали как нашкодившего мальчишку, Фред. Точно, Джордж.

– Хорошо. Тогда выслушайте остальное. По моим подсчетам, нам придется выложить по меньшей мере двести пятьдесят тысяч, прежде чем уотерфордский комбинат выстирает первую простыню.

– Что? – Орднер резко поставил рюмку на стол.

Ага, Фредди! Похоже, проняло.

– Стены заплесневели и совсем обветшали. Восточная и северная стороны вот-вот обрушатся. А полы настолько прогнили, что первый же стиральный автомат провалится в самый подвал.

– Это точно? Насчет двухсот пятидесяти тысяч?

– Абсолютно точно. Здание срочно нуждается в капитальном ремонте. Переделывать нужно все: стены, пол, потолки. А для замены проводки потребуется двухнедельный труд пяти электриков. Проводка, установленная сейчас, рассчитана на двести сорок вольт – наших мощностей она не выдержит. А отдаленность расположения приведет к тому, что счета за электроэнергию и воду повысятся примерно на двадцать процентов. Если первое мы еще, возможно, кое-как выдержим, то насчет второго... Не мне говорить вам, что означает для прачечной повышение тарифов за водоснабжение на двадцать процентов...

Глаза Стивена Орднера уже почти вылезали на лоб. Судорожно сглотнув, он попытался что-то сказать, но слова застряли в горле.

– Так на чем я остановился? Ну да, проводку необходимо заменить. Нам также придется установить новую сигнализацию и камеры скрытого наблюдения. Новую изолирующую кровлю. Ах да, совсем забыл про дренажную систему. Здесь, на улице Елей, мы находимся на возвышенности, а вот Дуглас-стрит расположена на самом дне естественного бассейна. Одна установка дренажной системы обойдется нам в сорок, а то и семьдесят тысяч.

– Господи, но почему же Том Грейнджер обо всем этом умолчал? – всплеснул руками Орднер.

– Он не выезжал со мной на место.

– Почему?

– Потому что я попросил его остаться в прачечной.

– Но из-за чего? – взвился Орднер. – С какой стати?

– Потому что в тот день у нас полетел отопитель, – терпеливо пояснил он. – Нас буквально завалили заказами, а горячей воды не было. Тому пришлось остаться. Он единственный, кто разбирается в бойлерах.

– Господи, Барт, но почему вы не взяли его с собой в другой раз?

Он допил виски и спокойно ответил:

– Я просто не видел в этом смысла.

– Не видели... – поперхнулся Орднер. Отставив стакан в сторону, он замотал головой, словно боксер, приходящий в себя после нокаута. – Послушайте, Барт, вы представляете, что с нами будет, если вы все-таки ошибаетесь, а фабрика эта нам не достанется? Не знаю, какая судьба постигнет меня, но вы точно лишитесь работы. Господи, неужто вы готовы преподнести Мэри такой подарок? Вы этого хотите?

Ты никогда этого не поймешь, подумал он, потому что ни разу в жизни даже пальцем не шевельнул, чтобы не подстраховаться сразу шестью способами, да еще и не подготовив заранее пару-тройку козлов отпущения. Вот как ты заработал свой роскошный автомобиль, пишущую машинку и четыреста тысяч, что вложены в акции и прочие ценные бумаги. Засранец, а ведь я могу поступить так, что тебя упекут лет на десять. Кто знает, может, я так и сделаю.

Глядя на вытянувшуюся физиономию Орднера, он улыбнулся:

– Все это меня совершенно не беспокоит, Стив, потому что вы еще не выслушали мой последний довод.

– Какой?

– Том Макан уже уведомил риэлтера, что фабрика их больше не интересует, – с готовностью соврал он. – Их ребята выехали в Уотерфорд, увидели своими глазами, что там творится, и подняли дикий вой. Так что можете мне поверить – эта развалюха не стоит четырехсот пятидесяти тысяч. С другой стороны, да, верно – наш трехмесячный опцион истекает во вторник. Но не забудьте, этот риэлтер – а Монахан прожженный гусь – все это время совершенно внаглую водил нас за нос. И ведь его блеф почти сработал.

– Так что вы предлагаете?

– Я предлагаю, чтобы до самого окончания срока опциона мы не рыпались. И не отвечали на их звонки и запросы вплоть до... ну, скажем, четверга. Вы тем временем переговорите с нашими финансистами по поводу двадцатипроцентного роста тарифов, а я побеседую с Монаханом. Вот увидите – он на коленях приползет, чтобы мы купили эту рухлядь за каких-нибудь тысяч двести.

– Вы уверены, Барт? – сощурился Орднер.

– Конечно, уверен, – ответил он, заставив себя улыбнуться. – Разве стал бы я высовывать шею, зная наперед, что мне ее укоротят?

Джордж, что ты вытворяешь???

Замолчи, Фред, мне сейчас не до тебя.

– Подведем итоги, – продолжил он. – Мы имеем перед собой жулика-риэлтера и полное отсутствие конкуренции. Стало быть, мы вполне можем позволить себе потянуть время. Каждый день пребывания в подвешенном состоянии заставит его сбивать цену все больше и больше.

– Ну хорошо, – с расстановкой произнес Орднер. – Пусть так. Однако я хочу четко расставить акценты, Барт. Если мы упустим эту сделку, а фабрику у нас из-под носа уведет кто-то другой, мне ничего другого не останется, как бросить вас на растерзание волкам. Хотя лично...

– Против меня вы ничего не имеете, – с улыбкой закончил он за Орднера.

– Послушайте, Барт, вы уверены, что Мэри вас не заразила? Что-то вид у вас неважный.

Ты бы на себя посмотрел, ублюдок!

– Ничего, скоро все наладится. Просто перенервничал немного из-за всей этой неразберихи.

– Да, конечно. – Орднер состроил сочувственную физиономию. – Кстати, совсем забыл – ведь ваш дом тоже на самой линии огня...

– Да.

– Вы уже подобрали себе что-нибудь подходящее взамен?

– Глаз кое на что положили. Не удивлюсь, если заключу обе сделки в один день.

Орднер ухмыльнулся:

– Наверное, вам впервые в жизни доведется за один день подписать контракты тысяч на триста, а то и на все полмиллиона.

– Да, этот денек я навсегда запомню.

На обратном пути Фредди то и дело пытался заговаривать с ним, даже кричать на него – и ему не раз приходилось щелкать выключателем. Он уже сворачивал на Западную Крестоллен-стрит, когда цепь вдруг с шипением перегорела и в ноздри ему шибанул запах гари: тончайшие контакты и хрупкие узлы

поджаривались, шипя, словно мясо на сковородке. Вопросы Фредди хлынули на него водопадом, и ему пришлось резко, обеими ступнями, затормозить. Автомобиль с визгом замер прямо посреди улицы, а ремень безопасности с такой силой врезался в грудь, что он невольно хрюкнул.

Овладев собой, он медленно подвел машину к бордюру. Выключил двигатель, потушил фары, отстегнул ремень и, весь дрожа, но не выпуская из рук рулевого колеса, откинулся на спинку сиденья.

Улица впереди плавно изгибалась, а цепочка уличных фонарей казалась отсюда светящимся рыболовным крючком. Эх и славная же это улочка! Большинство домов было построено после войны, между 1946 и 1958 годами, однако они каким-то чудесным образом избежали участи большинства своих сверстников и щеголяли свежей краской, аккуратно подстриженными газонами и сверкающими автомашинами на подъездных аллеях.

Со своими соседями он был хорошо знаком – да почему бы и нет? Они с Мэри прожили на Крестоллен-стрит уже без малого четырнадцать лет. Достаточно долго. В следующем за ними доме жили Апслингеры; их сын Кенни доставлял утренние газеты. Напротив жили Лэнги, а через дом – Хобарты (Линда Хобарт сидела с Чарли, когда он был маленьким, а теперь преподавала в городском колледже), затем – Стауфферы, Хэнк Альберт (его жена умерла от эмфиземы легких четыре года назад), Дарби, а почти напротив того места, где он сейчас сидел в машине и трясся, – Куинны. Со всеми этими людьми они с Мэри были на короткой ноге. Помимо этого, они общались еще с дюжиной семей – в основном с теми, у кого были маленькие дети.

Да, Фред, замечательная у нас улица. И само место просто прекрасное. Да, я знаю, как всякие интеллектуалы презрительно фыркают, когда речь заходит о жизни в предместье, – это якобы не столь романтично, как кишасшие крысами мебелирашки или городские коттеджи. Нет в пригороде ни великих музеев, ни великих парков – словом, вообще ничего великого.

Но знавали мы здесь много радостей...

Я понимаю, о чем ты думаешь, Фред. Радости – что такое «много радостей»? Радости, печали – все это ерунда, Фредди. По большому счету. Барбекю на заднем дворе летним вечером, когда все навеселе, но не пьяны. Караваны

автомобилей, на которых мы отправлялись смотреть, как играют «Мустанги». Паршивые «Мусти» – не могли обыграть «Пэтс» даже в тот год, когда на них ставки один к двенадцати принимали. Приглашения на ужин, походы в гости. Гольф на вест-сайдском поле. Поездки с женами в Пондерозу, катание на картингах. Помнишь, как Билл Стауффер проломил какой-то забор и въехал на своем автомобильчике прямо в чей-то бассейн?

Угу, Джордж, помню. Мы смеялись до упаду. Но только сейчас, Джордж, мне не...

Так что, по-твоему, Фред, можно тогда бульдозеры сюда завозить? Сровнять весь наш район с землей. А потом возвести новый, в Уотерфорде, где вплоть до этого года одни пустыри были? И что там будет? Безликие коробки? Пластиковые трубы, замерзающие каждую зиму? Пластиковые деревья? Пластиковый район? И все потому, что какому-то умнику втемяшилось в башку проложить свою дурацкую автостраду именно здесь, а посоветовавшись со своей секретаршей, он узнал, что и подружка секретарши горячо поддерживает этот проект, потому что приятелю подружки сейчас очень неудобно ставить автомобиль... Допустим, ты живешь на Лиловой аллее, которая пересекается с переулком Тополей. Или возьми улицу Вязов, улицу Дубов, улицу Кипарисов или улицу Сосен. Здесь в каждом доме есть своя ванная на первом этаже, туалет на втором, да еще и камин в восточном крыле. А теперь представь только, что, возвращаясь домой, ты вдруг видишь, что дома-то твоего и след простыл.

Но, Джордж...

Помолчи, Фред. Не слышишь разве, что я разговариваю? А куда подевались твои друзья и соседи? Может, вы не так уж и дружили с ними, но хоть люди были знакомые. А теперь – к кому ты за кофе или за сахаром обратишься, если вдруг нужда возникнет? Тони и Алисия Лэнг уже в Миннесоте, потому что, узнав о неизбежном переезде, Тони сам попросил перевести его в другой филиал. Хобарты уже в Норт-Сайд перебрались. Хэнк Альберт переехал в Уотерфорд, однако, вернувшись домой после подписания бумаг, он скорее походил на человека в клоунской маске. Я ведь видел его глаза, Фредди. Он напомнил мне мученика, которому только что ампутировали ноги, а он прикидывается довольным – ведь на протезах не придется ногти подстригать или мозоли смазывать. Итак, мы переедем, и что с нами дальше будет? Что мы там будем делать, незнакомая для всех супружеская пара, коротающая время в чужом доме? Доживать свой век – вот что. Терпеливо дожидаться старости и смерти. Сорок лет, Фредди, – это конец молодости. Точнее, даже тридцать, но сорок –

тот возраст, когда перестаешь обманывать сам себя. Нет, Фредди, я не хочу стареть в чужом доме.

Он снова плакал. Сидел в машине и плакал, как ребенок.

Джордж, но ведь по большому счету дело вовсе не в автомагистрали и не в переезде. Уж я-то знаю, что тебя тревожит.

Замолчи, Фред, я тебя в последний раз предупреждаю.

Но Фред не унимался, и это был дурной признак. Как ему обрести покой, если он и с Фредом-то справиться не в состоянии?

Все дело в Чарли, верно, Джордж? Ты просто не хочешь хоронить его во второй раз.

– Да, дело в Чарли, – произнес он, не узнав собственного голоса, искаженного слезами. – И еще во мне. Я не могу. Я и правда не могу...

Повесив голову, он разрыдался. Лицо его исказилось, он тер глаза руками; точь-в-точь как ребенок, только что обнаруживший, что любимый леденец провалился сквозь прореху в штанах.

Пустившись наконец снова в дорогу, он чувствовал себя разбитым и опустошенным. Но спокойным. Абсолютно спокойным. Он даже без трепета смотрел на темные дома по обеим сторонам улицы; дома, прежние обитатели которых уже переехали в другие районы.

Мы сейчас живем на кладбище, подумал он. Мы с Мэри. Как Ричард Бун в фильме «Я хороню живых». У Арлинов свет еще горел, но уже пятого декабря они съезжали. Навсегда. А Хобарты переехали в прошлый уик-энд. Пустые дома. Пустые глазницы окон в пустых же черепках.

Подъезжая к дому (Мэри была наверху – он видел неярко отблеск ее торшера), он вдруг подумал о словах Тома Грейнджера, сказанных пару недель назад. Он поговорит об этом с Томом. В понедельник.

25 ноября 1973 года

Он сидел перед цветным телевизором, глядя на игру «Мустангов» с «Чарджерами» и потягивая любимый коктейль – смесь «Южного комфорта» и севен-апа. В третьей четверти «Чарджеры» были впереди: 27 на 3. Ракера перехватили трижды. Потрясная игра, да, Фред? Это точно, Джордж. Просто не представляю, как ты выдержишь такое напряжение.

Мэри спала у себя наверху. За уик-энд немного потеплело, а сейчас снаружи моросил легкий дождик. Он и сам уже клевал носом. Три коктейля кряду как-никак осушил.

В игре наступил перерыв, и на экране тут же дали рекламу. Бад Уилкинсон предупредил всех о катастрофических последствиях надвигающегося энергетического кризиса и предложил срочно обзаводиться солнечными батареями. Он также напомнил, чтобы люди не забывали задвигать печные заслонки; если, разумеется, они не собирались сжигать мотыльков или поджаривать ведьм, бороздящих на метлах ночное небо. В конце рекламного ролика на экране высветилась эмблема компании, которая его выпустила, – тигр со счастливой мордой выглядывал из-за щита, на котором было написано:

ЭКССОН

По его мнению, день, когда компания «Эссо» сменила свое название на «Экссон», должен был стать для всех дурным предвестником надвигающихся тягот. «Эссо» само слетало с языка, нежно и ласково. «Экссон» напоминало имя какого-нибудь вождя с планеты Тьмутаракир.

– Экссон требует, чтобы все земляне сложили оружие, – торжественно произнес он. – Повинуйся, землянин. Не вздумай сопротивляться, жалкий червь.

Он фыркнул и смешал себе еще один коктейль. Ему даже не пришлось вставать; бутылка «Южного комфорта», двухлитровая бутылка севи-апа и пластмассовое ведерко со льдом стояли на маленьком круглом столике буквально у его локтя.

Игра возобновилась. «Чарджеры» нападали. Хью Феднак, основной разыгрывающий «Мустангов», перехватил мяч и переправил в линию нападения. «Мустанги» продвинулись вперед на шесть ярдов. Такие дела, как справедливо подметил Курт Воннегут. Он прочитал все его книжки. В первую очередь они поразили его своим юмором. Но вот на прошлой неделе по телевизору передали, что в школе города Дрейк, Северная Дакота, устроили публичное сожжение книги Воннегута «Бойня номер пять», посвященной тому, как союзники разбомбили Дрезден. Забавное совпадение, да?

Послушай, Фред, и почему эти ублюдки не решили продолжить свою вонючую автостраду через Дрейк? Держу пари, что им бы там понравилось. Прекрасная мысль, Джордж. Почему бы тебе не черкнуть об этом в газету? Пошел ты в задницу, Фред!

«Чарджеры» реализовали очередную попытку и повели уже 34:3. Девчонки из группы поддержки запрыгали, вертя в воздухе оголенными ягодицами. Он погрузился в дремоту и уже не мог бороться с Фредом, который, воспользовавшись его беспомощностью, принялся назойливо приставать.

Послушай, Джордж, поскольку сам ты не соображаешь, что творишь, я тебе сейчас все сам растолкую. По полочкам разложу. (Отстань, Фред.) Во-первых, срок опциона стремительно истекает. В среду Том Макан заключит сделку с этим ирландским отродьем Патриком Монаханом. В среду днем или в четверг утром огромный плакат с надписью ПРОДАНО взметнется над воротами фабрики в Уотерфорде. Если кто-то из прачечной его увидит, ты еще можешь чуть-чуть отсрочить минуту расплаты, заявив: «Разумеется, продано. Нам». Но если Орднер проверит – тебе крышка. Впрочем, вполне возможно, что проверять он не станет. Однако (Фредди, ну отстань же наконец) в пятницу появится новая вывеска. На ней будет вот что:

МЕСТО СТРОИТЕЛЬСТВА НОВОЙ ФАБРИКИ

ОБУВЬ ТОМА МАКАНА

Смотрите, как бурно мы развиваемся!

В понедельник утром тебя уволят. Лично я уверен, что тебя вышибут еще до первого же перерыва на кофе. Часов в десять. Тебе придется отправиться домой и признаться в содеянном Мэри. Не представляю, что за этим последует. Учитывая, что автобус до твоего дома идет пятнадцать минут, думаю, что в половине одиннадцатого вашему двадцатилетнему браку может настать конец. И ведь тебе придется еще выдумать какую-то причину для Мэри. Можно, конечно, отложить страшную сцену, напившись или прикинувшись невменяемым, но рано или поздно – Фред, да заткнись ты наконец, скотина чертова! – но рано или поздно тебе придется объяснить ей, почему ты лишился работы. Ох и попотеешь же ты! Дело в том, Мэри, что дорожное управление собирается через месяц сровнять нашу прачечную на улице Елей с землей, а я облажался и не успел подобрать для нее новое здание. Просто я думал, что история с автострадой номер 784 это обычный ночной кошмар и я вот-вот проснусь... Да, Мэри, я подобрал нам для переезда фабрику – да, да, в Уотерфорде, – но что-то мне помешало довести дело до конца. Какие убытки понесет от этого «Амроко»? О, ну миллион, а то и полтора, в зависимости от того, сколько времени им потребуется на поиск нового здания и подбор новых клиентов.

Фред, я тебя предупреждаю!

Или ты можешь сказать ей, что лучше всех владеешь истинным положением вещей. Дескать, прибыли в «Блю Риббон» стали настолько прозрачными, что руководство само решило отказаться от открытия своего бизнеса на новом месте. Либо же оно пришло к выводу, что после того, как этот сукин сын засыпал столько сахара в бензобак, уже не стоит тратить время и усилия на восстановление прежнего бизнеса, а проще и дешевле перепрофилироваться. Можешь сказать ей это.

Иди к дьяволу, Фред!

И ведь это только первая серия, Джордж, а фильм-то двухсерийный. Часть вторая начнется, когда тебе придется признаться Мэри, что вам теперь и

переезжать некуда. Как ты ей это скажешь?

Я ничего не собираюсь объяснять.

Ну понятно. Ты просто заснул в шлюпке и ничего не помнишь. Однако в полночь со вторника на среду твоя шлюпка сорвется с водопада и ухнет в пучину, Джордж. Богом молю, сходи в понедельник к Монахану и доставь ему несчастье. Подпиши контракт. Тебе все равно несдобровать из-за всей кучи вранья, что ты наворотил Стиву Орднеру в пятницу вечером. Но в конце концов ты откупишься. Тебя возьмут на поруки. Сам знаешь, тебе приходилось и не из таких переделок сухим выходить.

Оставь меня в покое. Я уже почти сплю.

Все дело в Чарли, верно? Ты просто хочешь таким образом совершить самоубийство. Но ведь это нечестно по отношению к Мэри, Джордж. Это вообще несправедливо. Ты просто...

Он рывком выпрямился, опрокинув стакан с коктейлем.

– Я только сам себя наказываю.

Зачем тогда все это оружие, Джордж? В кого ты собрался стрелять?

Дрожа всем телом, он потянулся к бутылке и в очередной раз наполнил свой стакан.

26 ноября 1973 года

Они обедали с Томом Грейнджером в «Ники», небольшом ресторанчике в трех кварталах от прачечной. Они сидели в отдельной кабинке, потягивая пиво и дожидаясь, пока подадут заказанные блюда. Из музыкального автомата раздавался голос Элтона Джона, который распевал: «Прощай, дорога из желтого кирпича».

Том вел беседу об игре «Мустангов» с «Чарджерами», которую «Чарджеры» выиграли со счетом 37:6. Том болел сразу за все спортивные команды их города, а поражения любимцев не только выбивали его из колеи, но нередко доводили до иступления. В один прекрасный день, подумал он, слушая, как Том поочередно чихвостит всех игроков «Мустангов» на все лады, Том Грейнджер отрежет себе ухо и отошлет его генеральному менеджеру. Сумасшедший болельщик отправил бы ухо тренеру, который бы только посмеялся и пришпилит трофей к щиту с объявлениями в раздевалке, но вот Том послал бы ухо генеральному менеджеру, чтобы заставить того призадуматься.

Наконец неулыбчивая официантка в белом брючном костюме из нейлона принесла им еду. Он оценил ее возраст лет в триста, а то и в триста четыре. Вес, пожалуй, выражался примерно такими же цифрами. На маленькой карточке над левой грудью было написано:

ГЕЙЛ

Спасибо, что пришли к нам

Ресторан «Ники»

Тому подали кусок жареного мяса, который плавал, как остров, посреди тарелки подливы. Сам же он заказал два недожаренных чизбургера с картофелем-фри. Он знал, что чизбургеры здесь готовить умеют. Он не в первый раз обедал в «Ники». Продолжение автомагистрали номер 784 пощадило ресторанчик, пройдя почти в квартале от него.

Они приступили к трапезе. Закончив тираду насчет вчерашней игры, Том осведомился у него насчет уотерфордской фабрики и встречи с Орднером.

– Я собираюсь подписать контракт в четверг или в пятницу, – сказал он.

– А мне казалось, что срок опциона истекает во вторник, – нахмурился Грейнджер.

Он снова рассказал, как Том Макан отказался от покупки уотерфордской фабрики. Ложь ему радости не доставила. Он был знаком с Томом Грейнджером уже семнадцать лет. Особой сообразительностью Том не отличался. Невелика заслуга – обмануть Тома.

– Понятно, – кивнул Том, когда он закончил. Подцепив на вилку кусок мяса, он отправил его в рот и тут же недовольно поморщился. – Господи, на кой черт мы сюда пришли? Готовить здесь не умеют. И кофе премерзко варят. Моя жена и та им сто очков вперед даст.

– Возможно, – промолвил он и тут же добавил: – Кстати, ты не помнишь, когда открылся тот итальянский ресторанчик? Мы водили туда Мэри и Верну.

– Помню, в августе. Верна до сих пор вспоминает эту рикотту... Нет, ригатони. Да, точно, ригатони.

– А помнишь того толстяка, что рядом с нами сидел? С сальной мордой?

– Толстяка... – Том нахмурился, пытаясь вспомнить. Затем помотал головой: – Нет.

– Ты еще сказал, что он мафиози.

– А-а-а. – Глаза Тома Грейнджера широко раскрылись. Отодвинув тарелку в сторону, он закурил, а спичку бросил в тарелку с подливой, где она с шипением угасла. – Да, точно. Сэл Мальоре.

– Так его зовут?

– Угу. Подслеповатый толстяк. С девятью подбородками. Сальваторе Мальоре. Похоже на кличку проститутки в итальянском борделе, да? Циклоп Сэл, так его звали из-за бельма на одном глазу. Удалили года три-четыре назад в клинике Мейо... бельмо, конечно, а не глаз. Да, он настоящий мошенник.

– А чем он занимается?

– А чем они все занимаются? – хмыкнул Том, стряхивая пепел в тарелку. – Наркотики, девочки, азартные игры, отмывка денег, вымогательство. Ну и еще разборки с другими преступниками. Не читал в газете? Как раз на прошлой неделе труп одного парня со связанными руками обнаружили в багажнике легковушки позади бензозаправочной станции. С шестью пулями в голове и перерезанным горлом. По-моему, это бред. Кому могло понадобиться резать горло, всадив бедняге шесть пуль в башку? Организованная преступность, вот чем наш Сэл занимается.

– А какое-то законное прикрытие у него есть?

– Да, наверное. Он в Лэндинг-Стрипе устроился, за Нортонем. Машинами торгует. Подержанные машины от Мальоре – гарантированное качество. В каждом багажнике – труп. – Том расхохотался и снова стряхнул пепел в тарелку. К столу подошла Гейл и осведомилась, не желают ли они еще кофе. Они заказали еще по чашечке.

– Я наконец достал эти металлические штыри для двери бойлерной, – сказал Том. – Они мне мой дрын напоминают. Очень похожи.

– Да ну?

– Точно, видел бы ты их. Девять дюймов в длину и три в поперечнике.

– Так ты имел в виду мой дрын? – спросил он, и оба расхохотались, продолжив разговор уже о своих рабочих делах, пока не пришла пора возвращаться в прачечную.

После работы он, как всегда, сел в автобус, но сошел на этот раз на Баркер-стрит, в тихом предместье. Заглянул в бар «Данкен». Заказал пиво и выслушал стенания Данкена по поводу в пух и прах проигранного «Мустангами» матча. К стойке подошел посетитель и пожаловался, что один из автоматов в кегельбане барахлит. Данкен отправился посмотреть, в чем дело, а он остался у стойки потягивать пиво и смотреть телевизор. Показывали очередной сериал – две женщины неспешно обсуждали какого-то Хэнка. Этот Хэнк возвращался домой из колледжа, а одна из женщин только что выяснила, что он не кто иной, как ее сын, родившийся двадцать лет назад, после безумной выпускной ночи.

Фредди в очередной раз попытался завести разговор, но Джордж жестко оборвал его. Выключатель сегодня работал исправно. С самого утра.

Ну и черт с тобой, ты, шизик хренов! – завопил Фред, и тут Джордж задал ему перца. Иди торгуй газетами, Фредди. Здесь в тебе не нуждаются.

– Нет, я ему ни в коем случае не признаюсь, – говорила одна из женщин в мыльной опере. – Как бы, по-твоему, я могла это сделать?

– Очень просто... сказать и все, – пожала плечами ее собеседница.

– Но с какой стати? Почему я должна разрушать всю его жизнь из-за какого-то несчастного события, случившегося двадцать лет назад?

– Значит, ты собираешься его обмануть?

– Нет, я просто умолчу об этом.

– Но ты должна ему сказать. Обязана.

– Шарон, я не могу себе этого позволить.

– В таком случае, Бетти, я сама ему скажу!

– Этот гребаный автомат накрылся с концами, – пожаловался вернувшийся Данкен. – С самого начала ведь дурил. С первого дня. И что мне теперь делать? Звонить в эту поганую компанию? Ждать двадцать минут, пока какая-то сопливая девчонка-секретарша соединит меня с очередным вонючим козлом? Ах, все так заняты, но мы постараемся прислать специалиста в среду. В среду! А в пятницу подвалит какой-то придурок с мозгами величиной с горошину, выжрет полбочонка пива за мой счет, исправит поломку и нарочно подстроит так, чтобы через неделю еще какая-нибудь хреновина полетела. Ну и посоветует напоследок, чтобы клиенты швыряли шары поосторожнее. Вот раньше я электронный бильярд держал. Это были нормальные автоматы. Никогда не ломались. А это – прогресс в их понимании. Небось году в 1980-м, если я еще к тому времени в ящик не сыграю, меня заставят тут вместо боулинга какой-нибудь автоминетчик установить, мать их за ногу! Пива еще хотите?

- Да, - кивнул он.

Данкен отправился цедить пиво. Он положил на стойку полдоллара и прошел в соседнее помещение к телефону-автомату, установленному как раз напротив сломавшегося боулинга.

Отыскал нужный номер в справочнике, в разделе «Автомобили, новые и подержанные». Нужные ему строчки выглядели так: ПОДЕРЖАННЫЕ МАШИНЫ МАЛЬОРЕ, дорога номер 16, Нортон, тел. 892-4576.

Дорога номер 16 при въезде в Нортон переходила в Веннер-авеню. Последняя также была известна под названием Лэндинг-Стрип; там можно было достать любой товар, который не рекламировался в телефонных справочниках.

Просунув в щель десятицентовую монетку, он набрал нужный номер. Со второго гудка трубку сняли, и звучный мужской голос произнес:

- «Подержанные машины Мальоре».

- Говорит Доус, - сказал он. - Бартон Доус. Могу я поговорить с мистером Мальоре?

- Сэл занят. Но я готов вам помочь, если смогу. Меня зовут Пит Мэнси.

- Нет, мистер Мэнси, я хочу переговорить с самим мистером Мальоре. Это по поводу тех двух «эльдорадо».

- Вас не туда направили, - сказал Мэнси. - Мы до конца года крупные автомобили не берем из-за энергетического кризиса. Никто их сейчас не покупает. Так что...

- Я покупаю, - сказал он.

- Что вы сказали?

– Я покупаю у вас два «эльдорадо». Семидесятого и семьдесят второго года. Одна золотистая, вторая кремовая. Я говорил по их поводу с мистером Мальоре на прошлой неделе. Мы обо всем договорились.

– Ах да, понятно. Его сейчас нет, мистер Доус. Он в Чикаго. Вернется только в одиннадцать вечера.

Тем временем Данкен прилаживал к автомату табличку. На ней значилось:

НЕ РАБОТАЕТ

– А завтра он будет?

– Да, наверняка. Вы в рассрочку берете?

– Нет, сразу.

– Условия особые?

Чуть поколебавшись, он ответил:

– Да, конечно. В четыре часа я его застану?

– Да.

– Благодарю вас, мистер Мэнси.

– Я передам, что вы звонили.

– Да, спасибо, – сказал он и повесил трубку. Ладони вспотели.

Когда он вернулся домой, Мерв Гриффин болтал с очередными знаменитостями. В почтовом ящике ничего не было; приятный сюрприз. Он прошел в гостиную.

Мэри попивала из чашки горячий напиток с ромом. Рядом с ней лежала пачка бумажных салфеток, а в воздухе устойчиво пахло пастилками «Викс».

– Как дела? – осведомился он, приближаясь.

– Бе целуй беня, – прогнусавила Мэри. – Я, кажется, забобеба.

– Бедненькая. – Он поцеловал ее в лоб.

– Извиби, Барт, но не сходишь би ты сам в багазин? Бы уговорились было с Мег Картер, но я потоб перезвонила ей и отказалась.

– Хорошо. Температура есть?

– Бе збаю. Божет, бебольшая.

– Вызвать тебе врача?

– Бе стоит. Божет, завтра саба схожу.

– Н-да, гундосишь ты здорово.

– Угу. «Викс» побачабу побогали, но потоб... – Она пожала плечами и кротко улыбнулась. – Я прябо как Добальд Дак разговариваю.

Чуть поколебавшись, он промолвил:

– Завтра вечером я задержусь; приду попозже.

– Да?

– В Норт-Сайд прокачусь – дом смотреть. На первый взгляд вроде бы неплохо. Шесть комнат. Небольшой задний двор. И не слишком далеко от Хобартов.

В ушах отчетливо слышался голос Фредди: Гад ты лживый и последняя скотина, Джордж!

Мэри просветлела.

- Как здорово! А я богу с тобой поехать?

- Нет, не стоит, тебе надо лечиться.

- Я былечусь.

- В другой раз, - отрезал он.

- Бадно, - вздохнула Мэри. - Как хорошо, что ты бакобец решибся. Я уже бобновабась.

- Ну и зря.

- Да.

Она еще раз отпила из чашки и прижалась к нему. Он слышал ее шумное дыхание. Мерв Гриффин оживленно трепался с Джеймсом Бролином по поводу его нового фильма «Западный мир». В ближайшем времени его собирались крутить по всем парикмахерским.

Минуту спустя Мэри поднялась и поставила в духовой шкаф упаковку с готовым ужином. Тем временем он подошел к телевизору и, переключив программу, остановил выбор на каком-то боевике. Он старался не слушать увещеваний Фредди. Некоторое время спустя Фредди сменил пластинку.

* * *

А помнишь, Джордж, как тебе достался твой первый телевизор?

Он улыбнулся, глядя не на Форреста Такера, а как бы сквозь него.

Помню, Фред. Еще бы не помнить.

Как-то вечером, примерно через два года после женитьбы, они вернулись домой от Апшоу, где смотрели по телевизору развлекательные программы, и Мэри спросила, не показалась ли ему Донна Апшоу несколько... отчужденной, что ли. Он хорошо помнил, как выглядела тогда и во что была одета Мэри. Худенькая и стройная, довольно высокая, в беленьких босоножках на каблуках, которые только что приобрела по случаю лета. И еще на ней были обтягивающие белые шортики; в них ее длинные ножки выглядели особенно завлекательными. Откровенно говоря, в ту минуту ему было вовсе не до Донны Апшоу; его интересовало только одно – как бы поскорее извлечь Мэри из этих шортиков. Больше ничто его в тот миг не волновало.

– Может, ей просто надоело угощать орешками половину населения предместья лишь потому, что у них у единственных на всей нашей улице есть телевизор? – предположил он.

Ему показалось, что хорошенький лобик Мэри прочертила тонкая морщинка – так бывало всегда, когда у его жены было что-то на уме; однако к тому времени они уже поднимались по лестнице в спальню, а его пальцы гладили и тискали ее соблазнительный задик.

Лишь позже, значительно позже, она спросила:

– Слушай, Барт, а во что бы нам обошелся настольный приемник?

В полудреме он ответил:

– Мне кажется, что приличную «Моторолу» можно было бы раздобыть долларов за двадцать восемь – тридцать. А вот «Филко»...

– Я не про радиоприемник говорю, Барт. Меня интересует телевизор.

Он присел, включил свет и уставился на нее. Мэри лежала рядом обнаженная, простыня была стянута почти до самых коленей. Хотя она и улыбалась, он видел: Мэри настроена серьезно.

– Мэри, пока мы не можем себе этого позволить.

– Так сколько все-таки стоит настольная модель? «Дженерал электрик», «Филко» или что-нибудь в этом роде?

– Новый?

– Да.

Он чуть призадумался, глядя, как играет матовый свет на изящных округлостях ее груди. В те годы Мэри была совсем худенькая (вообще-то она и сейчас не толстушка, Джордж, упрекнул он себя; а я этого и не говорил, Фредди) и какая-то более живая, что ли.

– Мне кажется, долларов семьсот пятьдесят, – произнес он, надеясь, что улыбка сползет с ее лица. Однако этого не случилось.

– Что ж, давай посмотрим, – сказала она, усаживаясь и подворачивая под себя ноги.

– А я уже смотрю, – ухмыльнулся он.

– Не сюда, нахал. – Мэри расхохоталась, но щечки ее зарделись (между прочим, прикрываться она все-таки не стала, это он как сейчас помнил).

– Ну так что ты задумала?

– Зачем нужен телевизор мужчине? – вслух рассуждала она. – Чтобы смотреть спортивные передачи по уик-эндам. А зачем телевизор женщине? Чтобы смотреть днем мыльные оперы. Представляешь, как удобно – ты гладишь и одновременно смотришь телевизор. А теперь только представь на минутку, что мы с тобой оба обретем такое, что поможет нам с пользой провести время, которое в противном случае было бы потрачено зря...

– Например, на чтение или на любовь, – с невинным видом промолвил он.

– Вот на это у нас время всегда находится, – со смехом заметила она и покраснелась больше прежнего; при свете ночника глаза ее казались темными, а таинственная ложбинка между грудями властно манила его к себе. И он понял,

что уступит, пообещает ей даже полуторатысячный «Зенит», встроенный в шкафчик, если она только позволит ему сейчас еще разок предаться любви; при одной лишь мысли об этом он возбудился и ощутил, как каменеет его змей – так забавно однажды выразилась сама Мэри, когда они возвращались с новогодней вечеринки у Ридпатов, где она чуть-чуть перепила. Даже сейчас, восемнадцать лет спустя, он вновь ощутил, как каменеет змей – и ведь от одного лишь воспоминания.

– Что ж, ладно, – сказал он. – Я буду грабить припозднившихся путников по уик-эндам, а ты научись обирать их карманы в дневное время. Однако если серьезно, то что, милая Мэри, моя не совсем Дева Мария, мы будем делать?

Она запрыгнула на него, хихикая, а он чувствовал животом ее мягкие груди (сейчас уже, конечно, не те, Фредди, не те, что прежде).

– Вот в том-то и фокус, – ответила она. – Какое у нас сегодня число? Восемнадцатое июня?

– Совершенно верно.

– Ну вот, делай по уик-эндам то, что ты задумал, а восемнадцатого декабря мы сложимся и...

– ...купим тостер, – ухмыльнулся он.

– ...купим телевизор, – настойчиво сказала она. – Я уверена, Барт, что нам это по силам. – И она снова захихикала. – Но самое занятное во всем этом, что вплоть до самой последней минуты мы не скажем друг дружке, чем занимаемся.

– Что ж, я согласен, – с серьезным видом сказал он. – Если только завтра, вернувшись с работы, не увижу над нашей дверью красный фонарь.

Она схватила его, взгромоздилась сверху и принялась щекотать; щекотка быстро сменилась ласками.

– Давай, – прошептала она, прижимаясь к нему всем телом. – Сейчас. Я хочу тебя, милый.

Позже, уже снова в темноте, лежа на спине, сцепив руки за головой, он спросил:

- Значит, ничего друг дружке не рассказываем?

- Да.

- Слушай, Мэри, а с чего вообще возник этот разговор? С того, как я сказал, что Донне Апшоу просто надоело угощать орешками половину населения нашего предместья?

На сей раз она уже не хихикала. Голос ее звучал ровно, строго и даже слегка пугающе: в спальне их квартирки на третьем этаже дома без лифта вдруг пахло зимой посреди теплой июньской ночи.

- Я не люблю нахлебников, Барт. И сама не собираюсь быть ею. Никогда.

Дней десять он обдумывал ее предложение, ломая голову над тем, каким образом заработать свою половину семисот пятидесяти долларов (а то и три четверти, поскольку все шло к этому) в течение двадцати (примерно) последующих уик-эндов. Он был уже не в том возрасте, чтобы подстригать лужайки за двадцать пять центов. А вот Мэри стала выглядеть умиротворенной и довольной – ее сияющий вид подсказывал ему, что она уже нашла занятие себе по душе.

Да, славные были денечки, верно, Фредди? – спросил он себя, глядя, как фильм прерывается рекламой и забавный нарисованный кролик призывает деток кушать конфетки. Да, Джордж. Денечки были просто потрясные.

Как-то раз, отпирая после работы свою машину, он случайно кинул взгляд на здоровенную дымовую трубу, торчавшую ввысь прямо за химчисткой, вот тогда его и осенило.

Он снова запер машину, спрятал ключи в карман и пошел к Дону Таркингтону. Дон откинулся на спинку кресла и воззрился на него из-под кустистых, совершенно седых бровей (седые волоски пучками росли у него из ушей и ноздрей), скрестив руки на груди.

– Вы хотите выкрасить башню, – повторил Дон.

Он кивнул.

– За уик-энды.

Он снова кивнул.

– За триста долларов?

Еще один кивок.

– У вас не все дома.

Он расхохотался.

Дон улыбнулся уголком рта.

– Барт, вы, случайно, наркотиками не балуетесь? – спросил Дон в лоб.

– Нет, – ответил тот. – Мы с Мэри заключили договор.

Седые брови взметнулись на лоб.

– Пари?

– Не совсем. Скорее – джентльменское соглашение, если можно так выразиться. Но это не важно, Дон. Трубу давно пора покрасить, а мне позарез нужны три сотни. Что скажете? В фирме по малярным работам с вас бы четыреста двадцать пять баксов содрали.

– Вы проверяли?

– Да.

– Нет, вы точно чокнутый, – убежденно произнес Дон. – Разобьетесь ведь к чертовой матери.

– Не исключено, – ответил он и снова расхохотался (даже сейчас, восемнадцать лет спустя, когда нарисованный кролик уступил место выпуску новостей, он сидел и ухмылялся как ненормальный).

Вот так случилось, что уже на следующий после Четвертого июля уик-энд он очутился на предательски шаткой платформе в восьмидесяти футах над землей с малярной кистью в руке. Как-то раз налетела внезапная гроза, и порыв ветра оборвал один из тросов с такой легкостью, словно это была нитка. По счастью, страховочная веревка, обмотанная вокруг пояса, выдержала, и он медленно спустился на крышу химчистки в полной уверенности, что никакая сила не свете (и уж тем более – стремление обзавестись телевизором) не загонит его обратно. Однако он вернулся. Не ради телевизора, но ради Мэри. Ради ее прекрасных грудей в матовом свете ночника; ради ее горделивой улыбки и бесенят в глазах, которые временами светлели, а порой вдруг недобро темнели, как летнее небо в грозу.

Он закончил красить трубу в начале сентября; теперь она ярко белела, словно палец на фоне неба, словно проведенная мелом черточка на голубой классной доске. Смывая с рук краску с помощью растворителя, он с гордостью взирал на свое творение.

Дон Таркингтон выдал ему чек на триста долларов.

– Недурно, весьма недурно, – похвалил он. – Учитывая особенно, какой осел это сотворил.

Еще пятьдесят долларов он заработал, отштукатурив стены детской комнаты у Генри Чалмерса – в те дни Генри был управляющим на фабрике – и выкрасив заново старенький «крайслер» Ральфа Тремонта.

И вот настало восемнадцатое декабря. Они с Мэри уселись за небольшой обеденный стол напротив друг друга, словно соперничающие друзья-ковбои на Диком Западе. Он выложил перед Мэри триста девяносто долларов – на положенную в банк сумму набежали неплохие проценты.

Мэри же заработала целых четыреста шестнадцать долларов. Она вынула увесистую пачку из кармана передника. Пачка была куда толще, чем у него, – в основном она состояла из однодолларовых купюр и пятерок.

Широко раскрыв от изумления глаза, он спросил:

– Господи, Мэри, как тебе это удалось?

Улыбаясь, она ответила:

– Я сшила двадцать шесть платьев, подрубила сорок девять подолов, обшила каймой шестьдесят четыре юбки; а еще сшила тридцать одну юбку, сделала три выкройки, выткала четыре ковра, связала пять свитеров, два шерстяных платка, изготовила один набор скатертей и салфеток; а еще вышила шестьдесят три носовых платка, двенадцать наборов полотенец и двенадцать наволочек... До сих пор мне по ночам все эти монограммы снятся.

Смеясь, она вытянула вперед руки, и впервые за все время он увидел мозоли на подушечках ее пальцев, словно у профессионального гитариста.

– Господи, Мэри, – произнес он внезапно охрипшим голосом, – что случилось с твоими руками.

– Руки как руки, – ответила она; глаза ее потемнели, и в них снова заплясали бесенята. – А ты, Барт, замечательно смотрелся на верхотуре. Меня так и подмывало приобрести пращу и запулить каменюку тебе в зад...

Он взревел, вскочил и бросился к ней. Мэри, хохоча во все горло, кинулась наутек, через гостиную – в спальню. Где он ее и настиг. И где, если я точно помню, мы и провели с ней остаток дня, Фредди.

Они подсчитали, что денег на настольный телевизор им хватает с лихвой, а вот на встроенную модель недостает каких-то сорока долларов. Владелец магазина «Джон» (и этот магазин был уже похоронен под продолжением автомагистрали номер 784, как и «Гранд», да и многое другое) сказал, что с радостью отдаст им телевизор в рассрочку хоть сейчас, и всего за десять долларов в неделю...

– Нет, – отрезала Мэри.

Джона ее отказ озадачил.

– Но ведь речь идет всего о каких-то четырех неделях, – обиженно сказал он. – Лучших условий кредита вам нигде не предложат.

– Одну минутку, – сказала Мэри и вывела мужа из магазина на украшенную к Рождеству улицу, где из каждого окна и из каждой двери неслись веселые рождественские мелодии.

– Мэри, – начал он, – Джон прав. Он ведь предлагает нам очень выгодные...

– Первое, что мы купим в кредит, Барт, будет наш собственный дом, – твердо заявила Мэри. Лобик ее слегка наморщился. – Теперь выслушай...

Они вернулись в магазин.

– Вы не могли бы оставить его для нас? – попросил он Джона с места в карьер.

Тот замялся:

– Может быть... если ненадолго. Сейчас ведь все хорошо продается, мистер Доус. На сколько?

– Только до понедельника, – сказал он. – Я зайду вечером. Перед закрытием.

Весь уик-энд они провели за городом, на студеном воздухе, дожидаясь снегопада, который так и не начался. Они медленно колесили по проселочным дорогам, хихикая, как дети. Он прихватил с собой полдюжины пива, а Мэри припасла бутылку вина. Бутылки из-под выпитого пива они не только сохранили, но нашли еще великое множество; целые мешки бутылок из-под пива и газировки. Маленькие бутылочки стоили два цента, а большие принимали по пять. Да, тот уик-энд вышел для них чертовски трудным, вспоминал Барт, длинные волосы Мэри развевались на ветру над воротником ее куртки из искусственной кожи, щеки покраснелись. Он словно воочию видел, как она спускалась в кюветы, засыпанные опавшими листьями, разгребая листву ногами,

шурша при этом, словно огонь, пожирающий сухую траву на лугу... наградой служило звяканье стекла, и Мэри извлекала из канавы очередную бутылку и торжествующе, по-детски, улыбаясь до ушей, махала ею над головой.

А ведь сейчас уже стеклянную посуду не принимают, Джорджи. Ни залога тебе сейчас, ни возврата тары. Выпей и выброси – вот девиз наших дней.

В тот понедельник, после работы, они сдали бутылок на тридцать один доллар, распределив добычу по четырем супермаркетам. К Джону они подоспели за десять минут до закрытия.

– Мне не хватает девяти долларов, – огорченно сказал он Джону.

Джон махнул рукой и быстро написал «Оплачено» на сертификате продажи, приложенном к огромному телевизионному приемнику «Зенит».

– Веселого Рождества, мистер Доус, – пожелал он. – Сейчас я выкачу тележку и помогу вам выбраться на улицу.

Они доставили телевизор домой, и взволнованный Дик Келлер, сосед с первого этажа, помог им втащить его в их квартиру на третьем этаже. В ту ночь они смотрели телевизор, пока не отыграл национальный гимн на последнем канале, а потом предались любви перед таблицей настройки; с непривычки головы у обоих раскалывались.

Никогда с тех пор телевизор не доставлял им столько удовольствия.

Мэри вошла в комнату и увидела, что он пялится на экран, держа в руке опустевший стакан.

– Ужиб готов, Барт, – сказала она. – Тебе сюда прибести?

Он посмотрел на жену, пытаясь вспомнить, когда в последний раз видел на ее губах задорную улыбку... Заодно он попробовал припомнить, когда именно тоненькая бороздка между бровями превратилась в постоянную морщинку, шрам, татуировку, напоминающую о возрасте.

Господи, на кой черт мне дались такие дурацкие мысли, подумал он. Никогда прежде меня ничто подобное не интересовало. Что бы это значило?

– Барт?

– Давай поужинаем в столовой, – сказал он. Затем встал и выключил телевизор.

– Хорошо.

Они уселись за стол. Он посмотрел на подносик из алюминиевой фольги с разогретым ужином. Шесть маленьких отделений, в каждое из которых было словно впрессовано нечто съестное. Мясо покрывала подлива. У него возникло впечатление, что мясо в таких быстрозамороженных блюдах всегда покрыто подливой. Он вдруг подумал, что без подливы мясо казалось бы голым. Затем, без всякой видимой причины, вдруг представил себе облысевшего Лорна Грина. Плешивый как коленка.

На сей раз это его не рассмешило. Напротив – немного напугало.

– О чеб ты таб убыбася в гостибой, Барт? – спросила Мэри. Глаза ее покраснели, а уголки носа вспухли.

– Не помню, – ответил он, а сам подумал: Господи, а ведь я сейчас закричу. Или в голос зарыдаю. По всему, что мы потеряли. По твоей улыбке, Мэри. Извини, если я сейчас запрокину голову назад и закричу от тоски по твоей канувшей навсегда улыбке. Ладно?

– Вид у тебя быб совершеббо счастливый, – добавила она.

И вот вопреки своей воле – это была тайна, а сегодня он испытывал нужду в своих секретах, сегодня его чувства были натянуты, как нерв, – вопреки своей воле он сказал:

– Я думал о том времени, когда мы отправились собирать бутылки, чтобы расплатиться за этот телевизор.

– А, побятбо, – протянула Мэри и шумно высморкалась в носовой платочек прямо над своим алюминиевым подносиком.

В придорожном супермаркете недалеко от их дома он столкнулся нос к носу с Джеком Хобартом. Тележка Джека была доверху загружена замороженными продуктами, консервными банками и пивом.

– Привет, Джек! – воскликнул он. – Какими судьбами?

Джек натянуто улыбнулся.

– Никак не могу привыкнуть к местным магазинам, – ответил он, словно оправдываясь. – Вот и подумал, заскочу-ка сюда по старой памяти...

– А где Эллен?

– Ей пришлось улететь в Кливленд, – сказал Хобарт. – На похороны матери.

– Господи, вот жалость. Внезапно, да?

Их обходили другие покупатели, толкая перед собой тележки. Сверху из невидимых репродукторов лилась негромкая музыка; приятная, но незапоминающаяся. Мимо прошла женщина, волоча за руку упирающегося и заплаканного мальчонку лет трех.

– Да, внезапно, – вздохнул Джек Хобарт. Бессмысленно улыбаясь, он потупил взор и уставился на свою тележку. Сверху громоздился здоровенный ярко-желтый пакет с броской надписью:

КИТТИ-ПАН КИТТИ-СВИТИ

Используй и выброси!

Соблюдайте гигиену!

- Как гром среди ясного неба, - продолжил Хобарт. - Конечно, чувствовала она себя неважнецки, но думала, что это естественно для женщины; годы берут свое и прочее. А оказалось, что у нее рак. Ее разрезали, посмотрели и - тут же зашили. А три недели спустя она умерла. Страшный удар для Эллен. Ведь мама была всего на двадцать лет старше ее.

- Да, - кивнул он.

- Так что она пока побудет в Кливленде.

- Понятно.

- Так вот.

Они обменялись понимающими взглядами и смущенно улыбнулись друг другу.

- Ну как там? - спросил он. - В Норт-Сайде?

- По правде говоря, Барт, пока не очень. Народ там не слишком дружелюбный.

- Да ну?

- Ты ведь знаешь, что Эллен в банке служит?

- Конечно.

- Так вот, многие девчонки устроили там нечто вроде автомобильного общака. Я давал Эллен нашу машину каждый четверг - это был ее вклад в общий котел. Ну а в Норт-Сайде тоже есть нечто подобное, но там женщины входят в особый клуб, членам которого позволяют пользоваться общими автомобилями. Только вот Эллен в него не приняли - для того чтобы стать членом, нужно прожить в Норт-Сайде не меньше года.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Знаменитый голливудский фильм с Клинтом Иствудом в роли Грязного Гарри – Гарри Каллахэна. – Здесь и далее примеч. пер.

Купить: <https://tellnovel.com/stiven-king/dorozhnye-raboty-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)